

СВЯТОЙ ПАТРИАРХ ТИХОН И ИЗЪЯТИЕ СВЯЩЕННЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ ХРАМОВ В 1922 Г.

С. Н. ИВАНОВ

Предлагаемое исследование имеет цель прояснить надежность канонического обоснования позиции св. Патриарха Тихона в защите церковных святынь, отобранных из храмов в 1922 г. под лозунгом помощи голодающим. Выводы о правомерности патриаршей точки зрения стали результатом реконструкции исторического контекста кампании по изъятию церковных ценностей и более детального учета неявных аспектов полемики между оппонентами в этом вопросе. Ссылки Патриарха на 73-е Апостольское правило и 10-е правило Двукратного Собора подразумевали три существенные причины: невозможность публично апеллировать и к постановлениям Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг., недоверие церковного общества лозунгам правительства, несогласованность с Главой Церкви акции изъятия святынь из храмов государственными органами. Церковную точку зрения св. Тихон смог достойным образом защитить и в Революционном трибунале, и после своего ареста на допросах следователей. Выполняя условия Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б), необходимые для его освобождения из тюрьмы в 1923 г., Патриарх не переменял своих взглядов на изъятие священных предметов и последнее слово в этой полемике оставил за собой.

Позиция св. Патриарха Тихона, занятая им в ходе проведения государственными органами кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 г., сразу же стала и в определенной мере сегодня остается предметом пререканий. Ее критические оценки носят многоплановый характер и черпают силу из различных оснований. К самому раннему по времени и заведомо ложному основанию относились сознательные попытки исказить точку зрения Патриарха, а также навязать обществу предварительно деформированные образы реальности с целью лишить святителя народной поддержки. Их первоисток находился в постановлениях Комиссии Совнаркома по учету и сосредоточению ценностей, касающихся агитационного обеспечения поставленных перед ее председателем Л. Д. Троцким со стороны Политбюро ЦК РКП(б) задач. В соответствии с ними советская пропаганда с начала 1922 г. стала выдвигать ряд лживых лозунгов о том, что государство не имеет ресурсов для помощи голодающим¹, добровольные церковные

¹ «Надо ввозить хлеб из-за границы <...> Золота и серебра в государственной казне нет. Золотой запас был в свое время расхищен чехо-словаками, Колчаком и другими генералами и учредилцами. Где же выход? Золото в храмах» (Ингулов С. Две задачи (о кампании

сборы недостаточны² и не поступают по целевому назначению³, инициатива немедленного изъятия ценностей из храмов принадлежит крестьянам голодающих губерний⁴, отобранные у Церкви ценные металлы будут реализованы для покупки хлеба за границей⁵, и их хватит для поддержки бедствующего населения в течение двух лет⁶, церковная иерархия во главе с Патриархом Тихоном запретила отдавать церковные ценности и встала на путь контрреволюции⁷ и т. п. Нападкам подверглось уже первое послание святителя от 6 февраля 1922 г., касающее-

изъятия ценностей в печати) // Красная печать. Инструкторский орган Агит.-Проп. Отд. ЦК РКП и Управления Периодической Печати. 1922. 7 апреля. № 13. С. 2). В действительности драгметаллы, необходимые для помощи голодающим, у правительства имелись, но в начале февраля 1922 г. были зарезервированы в размере 150 млн золотых руб. под обеспечение стабильности рубля в запланированной денежной реформе, в том числе последовавшего в ноябре 1922 г. выпуска червонцев (см.: *Иванов С., диак.* Церковное серебро в денежной реформе 1922–1924 гг. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 6 (67). С. 43).

² См.: *Горев М.* Хотят отделаться пятаком // Известия ВЦИК. 1922. 22 февр. № 42. С. 1. Церковные сборы в 1921 г. фактически являлись нелегитимными, а ВЦИК четыре месяца игнорировал обращение к нему по данному поводу Главы Русской Церкви. Осенью 1921 г. своевременно предложенная Патриархом программа помощи голодающим была правительством отвергнута, а учрежденные им церковные комитеты Помгол запрещены. Разрешение на сборы власть дала лишь в декабре 1921 г. под впечатлением резко возросшей смертности от голода и по причине обращения к ней на ту же тему уже мусульманского духовенства. Несмотря на то что второй, уже разрешенный, этап церковной помощи был практически сорван декретом ВЦИК об изъятии церковных ценностей, пожертвования со стороны приходов не прекратились. Вместе с тем именно заоблачные цифры в пропагандистских оценках предназначенного к изъятию церковного имущества привели к всеобщим представлениям о ненужности дальнейшей помощи голодным со стороны населения и ее реальном ослаблении по всей стране (см.: *Ингулов С.* Агитационная кампания Помгол // Итоги борьбы с голодом в 1921–22 гг.: Сб. статей и отчетов. М., 1922. С. 155).

³ См.: *Подашевский П.* «У врат обители святой» // Известия ВЦИК. 1922. 10 февр. № 32. С. 1. Данные о поступлении церковных сборов в комиссии Помгол (ГА РФ. Ф. Р–1064. Оп. 5. Д. 174. Л. 44).

⁴ Это утверждение особоуполномоченный СНК по учету и сосредоточению ценностей Л. Д. Троцкий поручил высказать самому М. И. Калинину, руководителю ЦК Помгол и ВЦИК, что и было последним исполнено (см.: Ценности голодающим: Беседа с председателем ВЦИК и ЦК Помгола тов. М. И. Калининым // Известия ВЦИК. 1922. 25 марта. № 68. С. 2). Оно также не соответствовало действительности — организация делегаций из голодающих губерний для агитации в центральной части России была инициирована Комиссией Троцкого в постановлении от 2 января 1922 г. (см.: РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 339. Л. 465).

⁵ См.: *Горев М.* Голод и церковные ценности. М., 1922. С. 31.

⁶ Там же. С. 24. В декабре Галкин (Горев) вынужден был признать, что изъятие церковного имущества дало «пустяковые цифры», однако пытался сохранить лицо с помощью обвинений духовенства в массовом укрывательстве ценностей (см.: *Горев.* Церковные ценности // Известия ВЦИК. 1922. 19 дек. № 287. С. 3). Коллеги не поддержали главного агитатора Троцкого, считая, что «как бы ни были велики хищения и утайка, все же надо признать, что агитация наша оперировала с чрезвычайно преувеличенными цифрами...» (см.: *Ингулов.* Агитационная кампания Помгол... С. 155).

⁷ См.: *Подашевский П.* «Маленькие фельетоны» патриарха Тихона // Известия ВЦИК. 1922. 10 марта. № 56. С. 2.

ся ограничений в вопросе пожертвования церковного имущества⁸. В его критике активно участвовали лояльные власти обновленцы, аргументы которых⁹ частично признавались и сторонниками Патриарха¹⁰.

Другим, также ошибочным основанием оппонентов Святейшего Тихона являлась зависимая от официальных лозунгов альтернативная трактовка применимости канонов, приведенных в патриаршем послании от 28 февраля 1922 г. Наиболее известный и общий аргумент советской, обновленческой и отчасти внутрицерковной критики послания состоял в указании на неправильное каноническое обоснование содержащейся в нем оценки декрета ВЦИК об изъятии церковных ценностей как святотатства. Несмотря на оговорки, что советское правительство не обязано считаться с канонами, власти понимали, что без аргументированной критики этого аспекта патриаршего послания в агитации останется существенный изъян, а в действиях вставших на защиту святынь приходов — нравственная сила церковного законодательства. «Ссылка [Патриарха] на каноны (73 ап[остольское правило] и 10 двук[ратный собор]), — наставлял в канонике советских агитаторов член Комиссии Троцкого и сотрудник V отдела Наркомюста М. В. Галкин (Горев), — является: 1) неубедительной, а во 2) заведомой передержкой. Каноны, на кои ссылается Патриарх, запрещают вовсе не употребление священных сосудов на дело помощи голодным, а как видно из 10 правила Двукратного собора, запрещается лишь “употребление их для собственных брашен, по своему рассуждению”, что, очевидно, весьма часто практиковалось церковниками. Каноны, наоборот, разрешают отдачу церковных со-

⁸ В данном послании Патриарх Тихон допустил возможность использовать «драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления (подвески в виде колец, цепей, браслеты, ожерелья и другие предметы, жертвуемые для украшения святых икон, золотой и серебряный лом), на помощь голодающим» (Архивы Кремля: В 2 кн. Кн. 2: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. Новосибирск; М., 1998. С. 11).

⁹ «Тихон издает декрет, — вспоминал о своих претензиях к патриаршему посланию от 6 февраля 1922 г. один из лидеров обновленчества протоиерей А. Введенский, — по которому можно отдавать церковный лом и подвески образов. Это — вроде насмешки. Лома обычно нет никакого, а подвески? Найдется ли их и на фунт даже в большом храме[?]» (*Введенский А., прот.* Церковь Патриарха Тихона. М., 1923. С. 75). Однако святой Тихон считал, что подвески «и есть самые ценные, ценнее, чем сосуды и чаши, а дальше бы видно было, может быть, можно было бы идти на уступки и еще кое-что добавить...» (цит. по: *Сафонов Д., свящ.* Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время. М., 2013. С. 166).

¹⁰ По замечанию неизвестного церковного деятеля, содержащемуся в записке из Гуверовского архива, слабостью патриаршего воззвания от 6 февраля 1922 г. являлось отсутствие в числе указанных для пожертвований вещей иконных риз (см.: Патриарх Тихон в 1920–1923 годах: Аналитическая записка из Гуверовского архива / Публ. Е. В. Ивановой // Журнал Московской Патриархии. 2007. № 11. С. 68). Между тем послание не запрещало выдачу риз, хотя и не спешило сразу же превратить ее в повсеместную акцию, учитывая, с одной стороны, народное недовольство и недоверие властям, с другой стороны, отсутствие подобных предложений от ЦК Помгол. Не забудем, что принципиальную ясность в этом вопросе вносили публичные разъяснения о характере патриаршего послания со стороны его представителя в переговорах с ЦКПГ протоиерея Н. Цветкова: «Возможно, что придется снять и последние ризы с икон и отдать их на дело помощи умирающим от голода» (О передаче церковных ценностей голодающим // Известия ВЦИК. 1922. 12 февр. № 34. С. 1).

судов “на вспоможение голодным и выкупленным”¹¹. Одновременно подобной точки зрения придерживались и несколько известных архиереев (митрополит Сергей (Страгородский)¹², архиепископ Серафим (Александров)¹³ и др.), полагая, что Святейший Тихон действительно допустил в своем послании неверные ссылки на канонические правила, поскольку указанные правила не запрещали употреблять священные сосуды на дела милосердия. Для продвижения в массы заданных Комиссией Троцкого идеологических клише о позиции Церкви были задействованы все доступные госорганам формы воздействия — кинематограф, радио, уличные плакаты, статьи в прессе, митинги и собрания. Они дожили в отечественной историографии до 1980-х гг. в виде суждений о «фальшивой ссылке» Патриарха на каноны¹⁴, «позорной странице» церковной истории¹⁵ и т. п.

Еще одним проблемным основанием для несогласия с позицией Патриарха Тихона в собственно церковной среде со стороны отдельных архиереев являлся несколько иной подход к вопросам значимости церковных канонов и личной ответственности за судьбу евхаристических сосудов. Если святой Тихон непоколебимо держался канонического обоснования высказанной им точки зрения на изъятие священных сосудов и недвусмысленно заявлял о своей ответственности перед судом Церкви, его критики предпочитали ограничивать такого рода ответственность условиями исключительных обстоятельств, связанных как с требованиями советского законодательства, так и с достигшим чрезвычайных масштабов голодом. Так, по мнению епископа Алексия (Симанского), которое он в частном порядке изложил митрополиту Арсению (Стадницкому) в период проведения кампании, вопрос изъятия следовало начиная с Патриарха решать только на юридической основе — в этом случае никто не смог бы заставить духовенство принимать решения в отношении не принадлежащего ему имущества¹⁶. Опасался ссылаться в это же время на каноны и митрополит Сергей (Страгородский): «...главное, чтобы наши умирающие от голоду братья не имели повода сказать о нас, что мы “разоряем заповедь Божию за предание наше” (Мф 15. 6)»¹⁷.

Указанные и подобные им представления не являлись отражением общезначимой церковной точки зрения. Русский епископат в лице выдающихся архиереев поддержал своего Первосвятителя и отказался благословить участие верующих в святотатственной акции государства по изъятию евхаристических сосудов. Хотя далеко не все иерархи, учитывая советскую агитацию, явно использовали канонический аргумент против изъятия и ссылались на патриаршее послание,

¹¹ Материалы для агитаторов по вопросу об изъятии церковных ценностей для голодных. М., [1922]. С. 16.

¹² См.: Воззвание митрополита Сергея (Страгородского) по поводу изъятия церковных ценностей / Публ. О. Косик // Богословский сборник. 2002. Вып. IX. С. 295.

¹³ См.: Следственное дело Патриарха Тихона: Сб. документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 195.

¹⁴ Крывелев И. А. Русская Православная церковь в первой четверти XX века. М., 1982. С. 48.

¹⁵ Куроедов В. А. Религия и церковь в Советском государстве. М., 1984. С. 64.

¹⁶ См.: Одинцов М. И. «Видно не испили мы до дна всю чашу положенных нам испытаний»: Письма Епископа Ямбургского Алексия (Симанского) митрополиту Новгородскому Арсению (Стадницкому) 1921–1922 гг. // Исторический архив. 2000. № 1. С. 74.

¹⁷ Воззвание митрополита Сергея (Страгородского)... С. 296.

их выступления не содержали критики последнего и находились в общецерковном русле. Наиболее решительные архипастыри пошли на открытое несогласие с декретом ВЦИК (митрополит Петроградский Вениамин (Казанский)¹⁸), невыдачу священных предметов властям (епископ Переяславский Дамиан (Воскресенский)¹⁹, епископ Ейский Евсевий (Рождественский)²⁰), организацию протестов или проповеди о легальной защите святынь (архиепископ Крутицкий Никандр (Феноменов)²¹, епископ Челябинский Дионисий (Прозоровский)²², епископ Старицкий Петр (Зверев)²³, епископ Верейский Иларион (Троицкий)²⁴), отказ выпустить требуемые местными властями воззвания в поддержку изъятия (митрополит Казанский Кирилл (Смирнов)²⁵, епископ Псковский Геннадий (Туберозов)²⁶, епископ Нижне-Чирский Николай (Орлов)²⁷ и др.). То же самое следует сказать и о действиях приходского духовенства и мирян, известных историкам по сводкам ГПУ²⁸ и воспоминаниям очевидцев²⁹.

Несмотря на жестокое подавление протестов в 1922 г. проблема защиты церковных святынь продолжала волновать верующих и в последующие годы в силу продолжавшегося преследования Русской Церкви и сопутствующих ему сомнительных компромиссов отдельных иерархов в сфере лояльности советскому государству. Вместе с тем сколько-нибудь широкая трансляция патриаршей точки зрения в среде духовенства в условиях всеобъемлющего контроля над Церковью в СССР была столь же невозможной, как и публичный ответ самого церковного общества на обвинения, предъявленные верующим в советских судах. К числу редких случаев можно отнести написанное в 1927 г. письмо бывшего патриаршего секретаря, архимандрита Неофита (Осипова), архиепископу Серафиму (Самойловичу), где содержался глубокий богословский анализ указанной про-

¹⁸ См.: Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. Кн. 2. С. 30.

¹⁹ См.: Там же. Кн. 1. С. 73.

²⁰ См.: *Бабич А. В.* вопросу об изъятии церковных ценностей на Кубани в 1922 году // Кубань — Украина: Вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. VI. Краснодар; Киев, 2012. С. 329.

²¹ См.: Следственное дело Патриарха Тихона... С. 115.

²² См.: Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. Кн. 1. С. 75.

²³ См.: *Дамаскин (Орловский), игум.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 4. Тверь, 2000. С. 450.

²⁴ См.: Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. Кн. 2. С. 28.

²⁵ См.: Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского / Авт.-сост. А. В. Журавский. М., 2004. С. 218.

²⁶ См.: *Иванова М. А.* Кампания по изъятию церковных ценностей в Псковской губернии в 1922 г. // Псков. 2006. № 24. С. 157.

²⁷ *Иванов С. М., Супрун В. И.* Православие на Волгоградской земле: Епархии и епископы. Ч. 2. Волгоград, 2002. С. 52.

²⁸ См.: Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. Кн. 1. С. 67.

²⁹ «Православная паства, — писал свидетель изъятия ценностей в Саратове К. Криптон, — исключительно горячо реагировала на изъятие церковных ценностей. <...> Аргументация была такова: “Если правительству нужны средства для закупки хлеба, то напряжем все силы и сами соберем, церковных же ценностей брать не надо — это наша святыня”» (*Криптон К.* Защита канонів Православия. 1922—1925. По личным наблюдениям, документам и литературным данным // Вестник Русского Христианского Движения. 1979. № 128. С. 222).

блемы. В нем, в частности, утверждалось, что защита богослужебных предметов в 1922 г. носила религиозно-церковный характер, поскольку они являлись достоянием Божиим. Так веровать требовалось чистотой православия, хотя и не способствовало успехам внешнего положения Церкви. Разнообразие решений по этому поводу вытекало из личного выбора церковных деятелей: либо образ их действий будет освящен верой и совестью, либо его придется оправдывать так или иначе понимаемой пользой. Поэтому, полагал архимандрит Неофит, «защита богослужебных принадлежностей заслуживает осуждения только нерелигиозных, обновленцев и сторонников практической теории в образе действия. Религиозная совесть не ошибется в вопросе о святынях, о мощах, о монастырях, о богослужебных местах и временах, о религиозном просвещении верующих»³⁰.

Альтернативная точка зрения среди духовенства также продолжала свое полувынужденное существование, отличаясь соответствием официальному взгляду на церковно-государственные отношения в СССР в ущерб взгляду церковному. Ее придерживался, в частности, митрополит Вениамин (Федченков), который в середине 1940-х гг. изложил в рукописи воспоминаний собственную оценку церковной реакции на изъятие святынь: в условиях небывалого голода Патриарху не следовало считаться ни со своим мнением, ни с мнением верующих. В том случае если бы власть употребила ценности не на помощь голодающим — в этом была бы ее ответственность, а не Церкви. Если бы он находился в период изъятия ценностей в России, то, по его словам, он бы «отдал тогда сосуды и кресты»³¹. Канонический аспект при этом не играл для него большой роли: «...каноны, как нормы, вообще-то приурочены к нормальным, мирным временам и условиям жизни, а не к исключительным. В исключительных же случаях и законы изменяются»³². Человеческие жертвы, которые понесла Церковь в период кампании, митрополит Вениамин считал ненужными, объясняя их «не столько ревностью по религии, сколько политическим протестом против нелюбимой власти»³³. Такого рода настроения хорошо дополнялись неизменными взглядами бывших раскольников-обновленцев, оказавшихся в церковной ограде. «Конечно, позиция, занятая патриархом, запретившим отдавать ценности, не была разумна, как признавал впоследствии и сам патриарх Тихон», — выражал мнение своих единомышленников в 1960-х гг. ученик Введенского А. Э. Левитин³⁴. Вчерашние противники «тихоновской Церкви» рассуждали подобным образом, поскольку приносили в свое время покаяние лишь в грехе раскола — вопрос о том, что они, игнорируя решения Патриарха и постановления Поместного Со-

³⁰ «В душе — истина и в душе — единение с ревнителями»: Письма преподобномученика архимандрита Неофита (Осипова) священномученику архиепископу Серафиму (Самойловичу) 1927–1928 гг. / О. И. Хайлова, вступ. ст., публ. и примеч. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. М., 2015. № 6 (67). С. 138.

³¹ *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох. М., 2004. С. 234.

³² Там же. С. 233.

³³ Там же. С. 234.

³⁴ См.: *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. Москва-Küsnacht, 1996. С. 53. До того как издание «Очерков» было осуществлено в 1978 г. швейцарским институтом «Вера во втором мире», они по главам печатались в СССР самиздатом в начале 1960-х гг.

бора Русской Церкви 1917–1918 гг., встали на путь активного содействия государственным органам в кампании по изъятию святынь, в тех условиях просто не мог быть поставлен, тем более после «раскаяния» и признания «вины» перед советской властью самого святителя Тихона. В этом вопросе они продолжали считать себя «правыми» в споре с «тихоновцами».

Изменение политической ситуации в стране в конце 1980-х гг. сделало возможным доступ ученых к ранее секретным архивным источникам, что в свою очередь привело к ряду важнейших выводов по поводу патриарших посланий 1922 г. Новые исследования подтвердили, что в период изъятия ценностей церковное общество в целом разделяло взгляды Святейшего Тихона³⁵, а лозунг помощи голодающим использовался властями для прикрытия кампании по учету и сосредоточению национализированных богатств³⁶. Также стало ясно, что советские прокуроры, судившие Патриарха, действовали по указаниям Политбюро ЦК РКП(б) и использовали сфальсифицированные следственные материалы, а их обвинения противоречили цивилизованному праву³⁷. Высказано было и принципиальное суждение в отношении решений святителя Тихона по защите святынь: он лишь выполнил требование церковных постановлений, и другой способ действий противоречил бы христианской совести³⁸.

Между тем влияние советского и обновленческого наследия продолжало приносить свои плоды и в постсоветский период. Так, в исследовании историка М. Ю. Крапивина повторилось известное суждение, будто бы причиной патриаршей просьбы о восстановлении инструкции о порядке церковных сборов в письме председателю ВЦИК М. И. Калинину от 25 февраля 1922 г. являлось опасение «потери всей массы церковного золота и серебра»³⁹. Другие замечания по адресу святителя Тихона предложил публицист А. И. Нежный: «Проще простого сделать вид, что вся полнота Церкви была заодно с Патриархом и что Святейший своим посланием не поставил себя, клир и мирян под расчетливо-беспощадный удар власти. <...> Разве не знал Святейший, что его послание может поднять народ на защиту изымаемых из храмов святынь? Разве не понимал он, что на любую попытку сопротивления власть тотчас ответит самым страшным насилием?»⁴⁰

³⁵ См.: Патриарх Тихон в 1920–1923 годах... С. 72.

³⁶ См.: *Петров С. Г.* Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской Церкви (1921–1925 гг.). М., 2004. С. 390.

³⁷ См.: Следственное дело Патриарха Тихона... С. 44.

³⁸ См.: Там же. С. 42.

³⁹ *Крапивин М. Ю.* Непридуманная церковная история: власть и Церковь в Советской России (октябрь 1917 — конец 1930-х годов). Волгоград, 1997. С. 66. Странно, что ученый не придал значения словам Патриарха Тихона из того же письма, которые разъясняли указанную проблему: «Нас обвиняют в “алчности золота”. Но причем тут алчность, когда мы в полной неприкосновенности храним из глубины веков дошедшие до нас церковные сокровища, имеющие значение святыни или историческое, и хотим сберечь их для грядущих веков, и наоборот, все, что не имеет такого значения, сейчас же допускаем верующим отдать на помощь голодающим...» (*Одинцов М. И.* Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Ч. I: «Дело» Патриарха Тихона; Крестный путь Патриарха Сергия. М., 1999. С. 63).

⁴⁰ *Нежный А.* Допрос Патриарха. М., 1997. С. 72. Такого рода вопросы указывают на недостаточное изучение Нежным позиции св. Тихона, который на допросе весьма ясно заявил:

К этому знакомому обновленческому обвинению писатель не удержался добавить личное: первоначально уклоняясь на допросах от упоминания влиявших на него лиц, позже Патриарх стал припоминать и называть их, в частности архиепископа Никандра (Феноменова), предложившего свт. Тихону написать послание с протестом против декрета об изъятии церковных ценностей⁴¹. Нежный не заметил, что его поспешный упрек и построенные на нем выводы опровергаются простым фактом: святой Тихон «припомнил» о влиянии архиепископа Никандра спустя пять дней после признательного допроса последнего. Только убедившись в этом из информации особоуполномоченного ГПУ Я. С. Агранова, Патриарх заявил: «Припоминаю, что архиепископ Никандр после 1-го собрания благочинных, состоявшегося на его квартире после издания указанного декрета, действительно говорил со мною...»⁴². О других живописных картинах писателя, как то: «тщете» сделанных святителем уступок, «его склонившейся пред боготорческой властью головой», «победе ГПУ» и т. п., лучше судить специалистам по художественной литературе.

Сравнительно недавно в церковной прессе появилось еще одно мнение об ошибках вставшего на защиту святынь духовенства, в том числе о возможном «несоответствии» интерпретации Патриархом декрета об изъятии ценностей действительному содержанию документа⁴³, что не было высказано даже коммунистами и раскольниками. В условиях непонимания и продолжения критики патриарших взглядов в популярной литературе внятное объяснение мнимых погрешностей святого Тихона в вопросе изъятия священных сосудов по-прежнему сохраняет свою актуальность. В нижеследующих строках читателям предлагается детальное изложение и анализ патриаршей позиции в свете новых архивных

«Выпуская воззвание, я отнюдь не имел в виду возбуждать население к сопротивлению Советской Власти, а чтобы верующие старались достигнуть соглашения с нею» (Следственное дело Патриарха Тихона... С. 181). И свидетелям тех событий было очевидно, что Патриарх не рассчитывал вызвать физическое сопротивление верующих с неизбежным пролитием крови, «призывать к которым не может глава христианской Церкви» (Патриарх Тихон в 1920–1923 годах... С. 70). Кроме того, в тот период никто не мог знать, как поведет себя власть в ответ на просьбы духовенства и прихожан учесть «интересы культа», о чем было обещано в декрете ВЦИК об изъятии ценностей. Во многих губерниях местные власти на первом этапе кампании соглашались с позицией общин, и только вмешательство во второй половине марта 1922 г. Ленина придало процессу изъятия церковных ценностей по всей стране репрессивный характер. Если учесть, что русский епископат во главе с Предстоятелем Церкви призывал к легальным и мирным способам отстаивания богослужебных сосудов, тогда перекладывать на него вину за пролитую кровь — значит следовать в русле несправедливых обвинений духовенству на судебных процессах 1920-х гг.

⁴¹ См.: *Нежный*. Указ. соч. С. 27.

⁴² Следственное дело Патриарха Тихона... С. 184.

⁴³ См.: *Газов Е. А.* Изъятие церковных ценностей в уездах Московской губернии по сводкам информационного отдела ГПУ // *Церковно-исторический вестник*. 2009/2010. № 16–17. С. 12. Подозрения автора — результат изолированного анализа только самого текста декрета при невнимании как к содержанию инструкции о порядке изъятия, опубликованной в день выпуска патриаршего послания, так и к сведениям, переданным святителю Тихону протоиереем Николаем Цветковым от представителя ЦК Помгол А. Н. Винокурова сразу после издания декрета (см.: Следственное дело Патриарха Тихона... С. 339).

источников, необходимых для восстановления в правах собственно церковной точки зрения на изъятие ценностей из храмов в начале 20-х гг. XX века.

Современным историкам давно известно, что действия большевистских властей в период переговоров с Русской Церковью о сборе пожертвований на голодающих носили характер «двойной игры», и декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей от 23 февраля 1922 г.⁴⁴ принимался в обход только что подписанных между ЦК Помгол и Патриаршим Управлением документов о добровольных церковных сборах. Ответом на правительственный декрет и стало патриаршее послание от 28 февраля 1922 г., продиктованное стремлением, не нарушая советского законодательства, защитить от безбожников церковные святыни. Во-первых, Патриарх предполагал устранить недоумения, которые возникали от сопоставления его воззвания от 6 февраля 1922 г. о помощи голодающим и советского декрета от 23 февраля 1922 г. об изъятии церковных ценностей в силу их взаимного несоответствия. Именно это он обещал сделать в письме М. И. Калинину от 25 февраля 1922 г. Во-вторых, святитель Тихон в силу пастырского долга обязан был разъяснить церковный взгляд на декрет российскому духовенству и своей пастве. Как известно, обещанное Калинину послание было написано в результате непосредственных просьб со стороны патриаршего окружения, в том числе управляющего Московской епархией архиепископа Никандра (Феноменова), который, еще не имея распоряжения со стороны главы Русской Церкви, был вынужден давать собственные указания в ответ на запросы благочинных⁴⁵. В-третьих, рассчитывая на широкую поддержку в защите святынь, Святейший Тихон решился использовать последний способ достучаться до «народной» власти: если она в лице Калинина не захотела услышать главу Церкви, может быть, глас православного народа остановит действие только что принятого антицерковного закона? Ведь и в письме к председателю ВЦИК Патриарх, по его словам, просил обратить внимание не на него лично, а на Церковь⁴⁶. Наконец, это был последний шанс уберечь храмы от надвигавшейся волны вандализма и священные предметы от поругания.

В первой части послание Патриарха содержало сведения о церковной помощи голодающим, которых не было в патриарших посланиях, выпущенных 22 августа 1921 г. и 6 февраля 1922 г., а также историю переговоров Патриарха с властью в этом вопросе. При этом упоминания о ЦК Помгол не было, и другой стороной переговоров указывалось советское правительство, что было не только обоснованно⁴⁷, но и оправданно, поскольку позволяло выявить непоследовательность действий властей на высшем государственном уровне. После вводной части святитель изложил суть постановления ВЦИК и констатировал: «С точки зрения Церкви, подобный акт является актом святотатства...»⁴⁸. Наконец, ссы-

⁴⁴ О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих // Собрание Узаконений и Распоряжений Правительства за 1922 г. Ст. 217. М., 1950. С. 381–382.

⁴⁵ См.: Следственное дело Патриарха Тихона... С. 183.

⁴⁶ См.: Там же. С. 132.

⁴⁷ ЦК Помгол была образована при ВЦИК, что отражалось и в полной аббревиатуре названия комиссии.

⁴⁸ Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. Кн. 1. С. 114.

лаясь на священный долг оповестить своих верных чад о церковном взгляде на изъятие, Святейший Тихон еще раз призвал верующих к пожертвованиям, добавив, что он «не может одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается ею, как святотатство, мирянин отлучением от нее, священнослужитель — низвержением из сана (Апостольское правило 73, Двукратного собора правило 10)»⁴⁹.

Несмотря на принципиальную ясность позиции Патриарха по отношению к выпущенному декрету, в двух значимых аспектах она являлась неполной — в тексте послания не были оговорены принятые Церковью на практике исключения из указанных правил, касающиеся возможности пожертвования евхаристических предметов, в том числе на помощь голодающим, а также отсутствовала какая бы то ни было программа действий для верующих в отношении начинающегося изъятия ценностей. Такого рода умолчания потребовали дополнительных интерпретаций, за которые немедленно взялись оппоненты Патриарха и по необходимости его соратники. Находились священнослужители даже из патриаршего окружения, как, например, священник Илия Громогласов, которые *на допросах* признали послание «запутанным»⁵⁰, другие же полагали его «неоконченным»⁵¹.

В обсуждении данных аспектов имеет смысл принять во внимание ряд не всегда учитываемых обстоятельств. Одно из них, которое мы сразу должны отметить, связано с предварительными переговорами между представителем Патриарха протоиереем Николаем Цветковым и членом Президиума ЦК Помгол А. Н. Винокуровым, где в ответ на предложение последнего усилить сборы за счет церковных ценностей впервые было высказано утверждение о каноническом запрете пожертвования священных сосудов⁵². Уже тогда на стадии устных переговоров святитель Тихон мог внести коррективы в озвученную его представителем точку зрения, однако осознанно не сделал этого по следующим причинам. Первая из них заключалась в том, что он, как и большинство верующих, испытывал обоснованное недоверие к правительственным заявлениям о реализации церковных ценностей на борьбу с голодом⁵³. Другая была связана с ре-

⁴⁹ Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. Кн. 1. С. 114. «Правило 73. Сосуд золотый, или серебряный освященный, или завесу, никто уже да не присвоит на свое употребление, незаконно бо есть. Аще же кто в сем усмотрен будет: да накажется отлучением» (Правила Святых Апостолов // Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, Епископа Далматинско-Истрийского: В 2 т. М., 1996. Т. I. С. 154); Фрагмент 10-го правила Двукратного Собора: «А взимающих для себя или для других, на не священное употребление, сосуды или одежды, вне олтаря употребляемые, и правило отлучает, и мы купно отлучаем: совершенно же похищающих оныя подвергаем осуждению святотатцев» (Правила святого IX Поместного Собора Константинопольского, двукратного, 861 года // Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима. Т. II. С. 303).

⁵⁰ Голубцов С., *протодиаак*. Московское духовенство в преддверии и начале гонений 1917–1922 гг. М., 1999. С. 138.

⁵¹ Там же. С. 125.

⁵² См.: Следственное дело Патриарха Тихона... С. 130.

⁵³ О недоверии Патриарха историкам известно, в том числе из его письма митрополиту Евлогию (Георгиевскому) от 20 марта 1922 г.: «Большой вопрос у нас о церковных ценностях, которые хотят власти насильно передать в пользу голодающих, — мало веры сему!» (Пере-

зультатами переговоров, поскольку в своем докладе Патриарху об итогах встречи протоиерей Николай сообщил о достигнутых с ЦКПГ договоренностях, по которым предстоящие церковные сборы исключали пожертвование священных предметов. Учитывая недвусмысленный ответ об отсутствии у властей планов на богослужебные сосуды и предложенный самим Винокуровым перечень предметов, Святейшему Патриарху оставалось только согласиться с условиями договора⁵⁴. Они позволили в этот период при публичном изложении церковной точки зрения избежать проблемных указаний на каноны и ссылаться лишь на состоявшиеся договоренности с ЦК Помгол, закрепленные в официальных документах. Упоминаний о каноническом запрете не было ни в патриаршем воззвании от 6 февраля 1922 г., ни в интервью протоиерея Николая представителям прессы, опубликованном 12 февраля 1922 г.⁵⁵, ни в письме св. Тихона председателю ВЦИК М. И. Калинину от 25 февраля 1922 г.

Однако вскоре ситуация решительно изменилась. То обстоятельство, что новое послание Святейшего Тихона было выпущено после декретированного и фактического начала насильственного изъятия церковных ценностей, придавало ему важный хронологический признак, с учетом которого впервые высказанное в каноническом контексте патриаршее неодобрение добровольного пожертвования евхаристических сосудов являлось неодобрением пожертвования святынь святотатцам, а не противодействием мирным инициативам властей. С этого момента, когда маски высших госорганов в переговорах с Церковью были сброшены, а исторические примеры церковной благотворительности священными сосудами потеряли свое значение, Патриарх уверенно и с полным основанием начал официально опираться на фундамент церковного законодательства. Поскольку в своих решениях св. Тихон добивался не замены процедуры изъятия сосудов их добровольным пожертвованием, а сохранения их от любой формы передачи властям, ему нужна была общая формулировка запрета на такую передачу, которая в виде выражения о «несвященном употреблении» и была взята из 10-го правила Двукратного Собора, непосредственно связанного с 73-м Апостольским правилом.

Сознательно воздержаться от упоминания в послании об исключениях из этого правила, касающихся помощи голодающим, святителю Тихону позволяла не только явная акция насилия над Церковью, но и упомянутое выше недоверие советской пропаганде. Между тем официально объявить о своем недоверии Патриарх не мог, так как не хотел подобным заявлением помешать возобновлению переговоров с властями для поиска взаимоприемлемых решений⁵⁶. Это привело

писки Святителя Тихона Патриарха Всероссийского и митрополита Евлогия (Георгиевского) 1921–1922 гг. / Публ. Н. Ю. Лазарева // Ученые записки Российского Православного университета ап. Иоанна Богослова. М., 2000. Вып. 6. С. 111).

⁵⁴ По словам Святейшего Тихона, протоиерей Николай Цветков сказал А. Н. Винокурову, что «в церкви имеются вещи, которых мы не можем, по нашим канонам, жертвовать. Тов. Винокуров на это заявил, что мы этого и не требуем, но хорошо, если бы вы пожертвовали подвески, камни, потом украшения. Цветков сообщил об этом мне. Я тогда согласился на это...» (Следственное дело Патриарха Тихона... С. 130).

⁵⁵ См.: О передаче церковных ценностей голодающим... С. 1.

⁵⁶ См.: Следственное дело Патриарха Тихона... С. 181.

к отсутствию в послании аргумента недоверия, без учета которого упоминаемые в нем ссылки на каноны выглядели с этой стороны частично уязвимыми. Проблему их недостаточной обоснованности Святейший Тихон прекрасно понимал, но ему нужно было некоторое время, чтобы предложить дипломатически выверенный способ ее решения. Оставляя за скобками личное отношение, он уже через две недели в беседе с корреспондентом газеты «Известия ВЦИК» использовал для демонстрации правомерности своей позиции реальные факты сомнений в среде самих прихожан, которые опасались, что после передачи церковных предметов губкомиссиям они могут служить кощунственным целям⁵⁷.

Упомянуть о такого рода фактах сразу же в самом послании было невозможно: между первой публикацией в газетах декрета ВЦИК об изъятии церковных ценностей и выпуском патриаршего послания прошло только четыре дня, то есть слишком мало времени как для проявления народного недоверия, так и для публичной ссылки на него. Через десять дней на встрече с пришедшими к нему «представителями голодающих» Патриарх вновь подтвердил свой взгляд: «Ценности — в распоряжении самих верующих. Но они относятся скептически к сдаче ценностей церквями: не верят, что попадут куда следует, а попадут в армию, а не голодающим»⁵⁸. Таким образом, базисный аргумент народного недоверия к властям прозвучал, причем на всю страну, и был услышан на Западе⁵⁹. Услышали его и в Политбюро ЦК РКП(б), немедленно озаботившись организацией так называемого церковного контроля при изъятии ценностей. Это решение уже само по себе означало, что оценка адекватности патриаршей трактовки канонов в контексте направления ценностей была поставлена в зависимость от вопроса о приемлемости для церковного общества результатов такого рода демонстративной правительственной меры.

При обсуждении другого аспекта неполноты патриаршего послания от 28 февраля 1922 г. важно учитывать правовое положение православной иерархии, которой советским законодательством было запрещено осуществлять судебные, финансовые, административно-хозяйственные и другие функции управления, свойственные юридическим лицам, в отношении других религиоз-

⁵⁷ См.: Церковные ценности для помощи голодающим (Беседа с Патриархом Тихоном) // Известия ВЦИК. 1922. 15 марта. № 60. С. 5.

⁵⁸ Голодающие у Тихона // Известия ВЦИК. 1922. 26 марта. № 69. С. 2. В ответ на слова Патриарха «делегаты» попытались изобразить из себя членов Церкви и навязать святителю противоположную оценку происходящего. В пересказе журналиста «Известий» «верующие» выразили протест против недоверия Патриарха к работе ЦК Помгол, указали главе Церкви, что он должен помочь сговориться прихожанам с советской властью и торжественно заверили: «... мы, верующие, устроим контроль и не дадим устроить так, чтобы вещи попали не туда, куда следует». Естественно, что святой Тихон не стал реагировать на неуклюжую игру пришедших, развернув их внимание в сторону действительных обстоятельств изъятия: «Повторяю вам, что сами верующие не верят, что ценности попадут голодающим» (Там же. С. 2).

⁵⁹ Ссылаясь на патриаршие оценки, эмигрантская печать отметила «главные мотивы, которые побуждают народные массы упорно противиться декрету об изъятии ценностей. Фанатизм здесь не причем. Все дело кроется в том недоверии, которое питает народ к своим управителям» (Воронович Н. Изъятие церковных ценностей // Голос России. 1922. 7 апр. С. 2).

ных обществ, каковыми являлись приходские общины⁶⁰. Церковное имущество являлось теперь «народным», не принадлежащим более Церкви и находящимся во временном пользовании у приходов. За распоряжения же одной религиозной организации в отношении другой против ее воли властью были обещаны санкции, применяемые к нарушителям советских законов⁶¹. Поэтому прямые указания пастве в отношении способов защиты святынь как со стороны Патриарха, так и всего духовенства немедленно вызвали бы череду арестов по церковной иерархии. В связи с этим неудивительно, что при обсуждении текста послания с управляющим Московской епархией архиепископом Никандром (Феноменовым) Патриарх Тихон не согласился даже на предлагаемую ему замену слова «неодобрение» на слово «несогласие» как на слишком резкое. Святейший Тихон, по утверждению архиепископа Никандра, учитывал, что предназначенное к изъятию имущество «не находилось в распоряжении Патриарха, а лишь в ведении и хранении общин, зарегистрированных советской властью, и, следовательно, наше согласие вовсе не требовалось»⁶².

Вместе с тем патриаршие полномочия по церковному управлению были ограничены не только извне советским законодательством, но и изнутри постановлениями Поместного Собора 1917–1918 гг., который определил совместный порядок управления Патриархом, Священным Синодом и Высшим Церковным Советом, подотчетных Поместному Собору. Из-за невозможности проведения Собора коллегиальная форма управления неизбежно претерпела трансформацию, в результате которой соборный выбор с мая 1921 г. был заменен на личное назначение членов Синода решением Патриарха. Такого рода «патриархоцентричность»⁶³ ВЦУ вместе с предопределенным в условиях гонений сокращением его численности способствовали единогласию в органах управления, одновременно защищая его от деструктивного влияния надзорных госорганов. При этом Патриарх продолжал считаться как с соборным началом, ориентируясь в своих действиях на будущий собор, так и с действующими членами Управления. Однако в ситуации начавшегося изъятия ценностей у членов ВЦУ, совпадения взглядов не было. Возможно, именно здесь лежит ответ на вопрос, почему в патриаршем послании не оказалось даже осторожных рекомендаций, которые, не являясь нарушением закона, могли бы сориентировать духовенство и прихожан в направлении приемлемых способов реакции на декрет.

Поскольку воздержание святителя Тихона от публичных рекомендаций не препятствовало проявлению собственного голоса православного народа, оно также имело свое значение и в переговорах с правительством, предвзятое отношение которого к Церкви могло свести любые предложения церковной власти к

⁶⁰ См.: *Гидулянов П. В.* Церковь и государство по Законодательству Р. С. Ф. С. Р. Сборник Узаконений и Распоряжений с разъяснениями V отдела НКЮ / Под ред. П. А. Красикова. М., 1923. С. 59.

⁶¹ См.: Там же. С. 58.

⁶² См.: Следственное дело Патриарха Тихона... С. 183.

⁶³ *Сафонов Д. В.* Единоначалие и коллегиальность: из истории Высшего Церковного Управления Русской Церкви от свт. Тихона, Патриарха Всероссийского, до Патриарха Московского и всея Руси Алексия I. Ч. 1: годы 1917–1925 // Богословский вестник. 2008–2009. Сергиев Посад, 2009. № 8–9. С. 290.

намерениям ограничить свободу произволения прихожан. Осуществленного в послании разъяснения церковной точки зрения было достаточно для удержания верующих от собственного участия в святотатстве, однако вынужденная сдержанность Патриарха в вопросе о формах народного противодействия декрету фактически оставила его решение открытым. Естественно, что в этом случае в общей массе местных решений оказались и жесткие резолюции отдельных общин в отношении всех церковных предметов: «ценности не сдавать», а также попытки физического сопротивления представителям губкомиссий и даже военным отрядам, что не входило в намерения свт. Тихона⁶⁴.

Через две недели после выпуска послания Патриарх получил неожиданную возможность вместе с представителями других религий изложить свое отношение к изъятию ценностей на страницах «Известий ВЦИК». В беседе с корреспондентом он вновь объяснил читателям газеты, что Церковь не может оставаться равнодушной к страданиям голодающего народа, и верующие готовы на щедрые пожертвования церковного имущества, «не имеющего значения для совершения богослужения»⁶⁵. Кроме того, святитель Тихон предостерег от завышенных ожиданий в отношении объема и стоимости находящихся в храмах ценностей, изъятие которых не сможет принести властям желаемых результатов. Учитывая советские лозунги о золоте Церкви, он также отметил, что в большинстве случаев храмы располагают в основном серебряными предметами⁶⁶, многие из которых имеют редкие антикварные качества. Патриарх понимал, что его попытка сохранить святыни от изъятия и ликвидации может оказаться обреченной на провал, и здесь же предложил Комиссии Помгол оставлять исторически значимые церковные вещи в музейных собраниях.

23 марта 1922 г. та же газета опубликовала фрагмент интервью с пребывающим за штатом епископом Антонином (Грановским), в котором впервые содержалась прямая критика патриарших взглядов со стороны духовенства. Пытаясь обосновать свою точку зрения в качестве церковной, Антонин привел в пример царя Давида, который, будучи голодным, зашел в храм и съел жертвенные хлебы. «Следовательно, — посчитал епископ, — тем самым и вопрос об изъятии цер-

⁶⁴ См.: Следственное дело Патриарха Тихона... С. 188.

⁶⁵ Церковные ценности для помощи голодающим... С. 5.

⁶⁶ Наиболее распространенным из ценных металлов, имевшихся в храмах, традиционно являлось серебро, которое использовалось при отделке престолов, изготовлении иконных риз, рак для св. мощей, а также в производстве других предметов церковной утвари. Что касается евхаристических сосудов, согласно «Известию учительному» (документ конца XVII века), они должны были быть «злати или сребряни, или уже оловянни: да не будут же из каковыя-либо меди, железни, ниже древяни: в сиевых бо служай согрешает и наказанию епископскому подлежит» (Известие учительное // Службник. М., 2011. С. 547). В 70-х гг. XIX в. в связи с появлением медных сосудов, покрытых быстро сходящей гальванической позолотой, по данному вопросу вышло определение московского епархиального начальства. Из-за угрозы попадания в Св. Дары ядовитой медной окиси первым пунктом инструкции благочинным требовалось, чтобы дарохранильницы, потиры, звездицы, лжицы и проскомидные блюда были из серебра, о чем было объявлено в епархиальной прессе (см.: Из Московской Духовной Консistorии // Постановления и распоряжения Правительства: официальный отдел «Московских епархиальных ведомостей». 1879. 29 апр. № 15. М., 1880. С. 51).

ковных ценностей разрешается в пользу голодающих»⁶⁷. Некорректность подобного примера была очевидной: новая власть не голодала, не была ни царской, ни святой, утвердившись в стране насилием и обманом, она просто не захотела допустить самостоятельной церковной помощи голодающим людям, решив под предлогом нужды последних пополнить свою казну. В беседе епископ Антонин также заметил, что не мешало бы мирян и вообще жертвователей допустить если не к реализации, то хотя бы к контролю за реализацией ценностей. Эта идея, которой придерживались не только священники-осведомители ГПУ, но и часть верного Церкви духовенства, была использована Л. Д. Троцким для поддержки и «церковного» прикрытия задуманного опустошения храмов. К контролю, естественно, были допущены лишь сугубо лояльные священники, которые содействовали властям в качестве активных участников изъятия святынь⁶⁸.

Собственный взгляд на проблему отношения к изъятию церковного имущества предложил в воззвании к своей пастве от 24 марта 1922 г. митрополит Владимирский Сергей (Страгородский)⁶⁹. Оберегая верующих от возможного преследования, он одновременно попытался вывести и патриаршую точку зрения из-под подозрения в злонамеренной организации выступлений против властей. Такое решение вызвало одобрение Патриарха Тихона, назвавшего митрополита «благомыслящим человеком» и использовавшего фрагмент его воззвания в защите от обвинений в «контрреволюционности» со стороны ГПУ. Вместе с тем, усвоив официальную точку зрения правительства на использование церковных ценностей, с этой позиции он приступил к оценкам других аспектов патриаршего послания и попыткам показать отсутствие какого бы то ни было канонического основания для отказа в пожертвовании госорганам православных святынь. Для этого ему пришлось «забыть», что неприемлемая для него ссылка на 73-е Апостольское правило приводилась в постановлении Священного Собора Российской Церкви от 7 февраля 1918 г. в связи с выходом декрета об отделении Церкви от государства. Именно там с опорой на отмеченное правило было указано верующим на несовместимость участия в отобрании церковных имуществ с принадлежностью к Православной Церкви⁷⁰. Основание же для прошений об оставлении священных предметов в храмах митрополит Сергей увидел лишь в народном почитании святынь, предпочитая обходить молчанием не только постановления Московского Собора 1917–1918 гг., но и любые церковные каноны, которые ограничивали бы действие декрета ВЦИК.

При подобном подходе единый церковный критерий в определении допустимых к сдаче предметов подменялся субъективными предпочтениями и желаниями различных групп верующих, что лишало прихожан общего и законо-

⁶⁷ Епископ Антонин об изъятии ценностей (из беседы) // Известия ВЦИК. 1922. 23 марта. № 66. С. 2.

⁶⁸ Их сотрудничество с властью было учтено бухгалтерией ВЦИК в смете расходов на изъятие ценностей и оплачено (см.: *Иванов С. Н.* Хронология обновленческого «переворота» в Русской Церкви по новым архивным документам // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. М., 2014. № 3 (58). С. 54).

⁶⁹ См.: Воззвание митрополита Сергея (Страгородского)... С. 296.

⁷⁰ См.: Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1996. Т. 6. С. 72.

мерного основания для своих просьб. Такой взгляд не мог удовлетворить святителя Тихона, который не собирался превращать высказанную им в послании от 28 февраля 1922 г. церковную точку зрения в свое частное мнение. В начале апреля 1922 г. митрополит Сергей имел возможность изложить свои соображения Патриарху Тихону лично⁷¹. Тем не менее даже в условиях осложнения ситуации в связи с событиями в Шуе и арестами в ночь на 23 марта 1922 г. почти всех членов Высшего Церковного Управления аргументация владимирского иерарха в этом вопросе не поколебала позицию Святейшего Тихона. После состоявшейся встречи Патриарх не отказался ни от канонического обоснования необходимости защиты евхаристических сосудов, ни от утверждения о невозможности их несвященного употребления. Несмотря на оправданное стремление удержать паству от столкновения с представителями власти, ссылки митрополита Сергея на церковную благотворительность без надлежащего объяснения необходимых для нее условий производили впечатление диссонанса с патриаршей оценкой советского декрета как святотатства. Это не осталось незамеченным, и воззвание было вписано агитацией в общее русло «антитихоновской» кампании в прессе⁷². Втянуть архиерея в противостояние с Патриархом ГПУ не удалось, и 18 апреля 1922 г. он был арестован в Москве⁷³.

В целом уже к концу марта 1922 г. негативная реакция церковного общества на изъятие ценностей была для правительства вполне ясной, чтобы понять, насколько существенно данная кампания затронула будто бы соблюдаемые декретом ВЦИК «интересы самого культа». Поскольку государственный декрет был лживым в своей основе и служил узаконенным прикрытием ограбления храмов, массовое несогласие с ним было немедленно использовано против Церкви. В связи с этим на исходе месяца на предстоятеля Русской Церкви со стороны Госполитуправления НКВД было оказано прямое давление. Вызванному повесткой на допрос 28 марта 1922 г. Патриарху были предъявлены ультимативные требования в трехдневный срок принять немедленные меры по прекращению противодействия со стороны духовенства декрету ВЦИК, а также публично определить свое отношение к «контрреволюционному заговору» православной иерархии в связи с постановлениями Карловацкого собора⁷⁴.

Вмешательство и жесткие требования ГПУ Святейший Тихон использовал как основание для необходимых официальных распоряжений, невозможных по обычным условиям советского законодательства. Кроме того, четыре документа, вышедшие из-под пера Патриарха в данный период и рассчитанные на различные аудитории, позволили ему более полно и точно разъяснить собственную позицию, обозначенную в послании от 28 февраля 1922 г. 31 марта 1922 г. святитель написал в Госполитуправление письменное объяснение, в котором отверг обвинения советской прессы, утверждавшей, будто его послание стало

⁷¹ См.: Сафонов Д. В. Деятельность митрополита Сергея (Страгородского) в контексте советской вероисповедной политики в 1921–1926 годах // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 23 (161). С. 61.

⁷² Воззвание Владимирского митрополита // Известия ВЦИК. 1922. 25 марта. № 68. С. 2.

⁷³ См.: Сафонов. Деятельность митрополита Сергея (Страгородского)... С. 61.

⁷⁴ Следственное дело Патриарха Тихона... С. 119.

призывом или поводом к возмущению со стороны верующих при изъятии ценностей в г. Шуе. В нем же он еще раз напомнил чекистам о церковных канонах, согласно которым предметы, употребляемые в таинстве Св. Причащения, «не могут иметь употребления “не священного”»; о последних можно входить в соглашение с представителями власти о замене их соответственными материальными ценностями»⁷⁵.

4 апреля 1922 г. Патриарх вновь был вызван на допрос, на котором от него потребовали «дать воззвание о том, что власть распорядилась национальным имуществом вполне справедливо»⁷⁶. На это святитель Тихон заметил, что уже просил предоставить ему конкретные требования ГПУ, поскольку подписанный Патриархом 28 марта 1922 г. ультимативный документ ему в тот день не отдали. В ответ на требования со стороны начальника Секретного отдела ГПУ Т. П. Самсонова принять меры к прекращению антисемитской агитации Святейший Тихон сказал, что не видит повода для подобных действий, уже осуществленных им ранее. Он подтвердил, что никогда не согласится отдать все церковные ценности, и открыто протестовал против предложения начальника V отдела Наркомюста П. А. Красикова разъяснить церковному обществу «полную законность» декрета ВЦИК от 23 февраля 1922 г., а также публично и по канонам осудить духовенство за контрреволюционную и антисоветскую работу⁷⁷. Попытки Красикова апел-

⁷⁵ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 464. Л. 158 (см. Приложение). 2 апреля копия документа из ГПУ была отправлена Троцкому (см.: Там же. Л. 157).

⁷⁶ Следственное дело Патриарха Тихона... С. 128. Датировка указанного допроса имеет дискуссионный характер ввиду отсутствия даты на обнаруженном фрагменте подлинника и копии документа. Предложенная здесь версия даты допроса опирается на следующие доводы: 1) 4 апреля 1922 г. Патриарх был в ГПУ, о чем свидетельствует его заявление от 5 апреля 1922 г. (см.: Там же. С. 122); 2) тогда же, 4 апреля, св. Тихон составил новое воззвание к верующим об употреблении на дело помощи голодающим церковных ценностей, выпустить которое требовали на допросе. В послании говорилось о кровопролитии при изъятии ценностей и условиях, при которых оно не будет иметь места, что соответствует словам начальника 5-го отдела НКЮ П. А. Красикова о «необходимости остановить кровопролитие», сказанным на допросе (см.: Там же. С. 128); 3) в заявлении Патриарха в ГПУ от 5 апреля говорилось об осуждении им постановления Карловацкого собора о восстановлении династии Романовых, что соотносится с требованием допрашивавших отмежеваться от реакционного заграничного духовенства (см.: Там же); 4) ни в патриаршем послании от 4 апреля, ни в его заявлении в ГПУ от 5 апреля нет предупреждений против антиеврейских выступлений, что согласуется с отказом святителя выполнить прозвучавшие на допросе требования мер против антисемитской агитации. Другая датировка указанного допроса — 8 апреля 1922 г., предложенная священником Д. Сафоновым на основании повестки о вызове Патриарха в ГПУ именно в этот день, не выглядит очевидной (см.: Сафонов Д., *свят.* Святитель Тихон... С. 193). Во-первых, историк ничего не сообщает о пребывании Патриарха в ГПУ 4 апреля; во-вторых, как значилось в повестке Секретного отдела ГПУ от 8 апреля, свт. Тихон был вызван для показаний «по делам о духовенстве», в результате чего 9 апреля в ГПУ было отправлено составленное им «Обращение к епархиальным архиереям». У патриаршего воззвания от 4 апреля и его обращения к архиереям от 9 апреля были разные аудитории, и разница во времени появления указанных документов отражает разные даты допросов. Если бы обсуждаемый допрос действительно состоялся 8 апреля, тогда дата патриаршего воззвания от 4 апреля становилась необъяснимой, ведь в нем уже содержится то, что будто бы 8 апреля зачем-то снова требуют от Патриарха.

⁷⁷ Там же. С. 129. Отметим характерную особенность в действиях святого Тихона — не призывая народ к протестам из-за возможных репрессий, в отношении себя он не был столь

лироваться к масштабам голода Патриарх остановил простым вопросом: «Почему вы запрещали создание церковных комитетов Помгола[?]», а лицемерные слова о необходимости остановить кровопролитие были поставлены под другой вопрос, оставшийся без ответа: «Разве мы проливаем кровь[?]»⁷⁸.

В тот же день Патриарх Тихон представил в ГПУ на утверждение председателя ВЦИК М. И. Калинина текст нового послания верным чадам Церкви Христовой, в котором подчеркнул, что зовет их не к мщению и возмущению, но к любви Христовой⁷⁹. В послании не появилось, как ожидали чекисты, никаких утверждений о «полной законности» антицерковного декрета или «справедливом» обращении правительства с национальным имуществом. Выразив сожаление о происшедшем кровопролитии при отобрании церковных вещей, Святейший Тихон сформулировал условие, при котором возмущениям не будет места: верующие имеют законное право требовать от властей, чтобы священные сосуды, которые, согласно канонам, не должны иметь употребления несвященного, могли быть выкуплены и заменены равноценными материалами, а к наблюдению за расходами ценностей для голодающих допущены представители Церкви⁸⁰. Вечером следующего дня Патриарх снова был у Самсонова и в разъяснение своего письма от 31 марта 1922 г. составил в ГПУ новое заявление. В нем святитель Тихон указал, что в послании от 28 февраля 1922 г. он «вовсе не имел в виду призывать верующих к сопротивлению властям; если где оно так понималось, то это неправильно: благомыслящие люди смотрят иначе»⁸¹. В отношении же постановления Карловацкого собора о восстановлении династии Романовых Патриарх был вынужден выразить осуждение в связи с его политическим характером, не соответствовавшим выпущенному 25 сентября /8 октября 1919 г. патриаршему посланию о невмешательстве служителей Церкви в политическую борьбу.

Наконец, 9 апреля 1922 г. в официальном обращении уже к епархиальным архиереям Патриарх, осуждая силовое противодействие представителям власти со стороны прихожан, рекомендовал архипастырям преподать последним вместе с подведомственным духовенством надлежащие указания с целью предотвращения нежелательных выступлений⁸² и продолжения посильной помощи голодающим. Здесь же было сказано о неприятии Первосвятителем антиеврейских выступлений, которые были осуждены им еще в июльском послании 1919 г. Таким образом, несмотря на согласие святителя Тихона выполнить отдельные политические требования ГПУ, пересмотра взглядов, выраженных в послании от 28 февраля 1922 г., не последовало. При защите православных святынь в Госполитуправлении св. Патриарх Тихон проявил подлинное мужество, и попыт-

же осторожен и без страха выражал личный протест против антицерковных акций перед лицом их организаторов.

⁷⁸ Следственное дело Патриарха Тихона... С. 128.

⁷⁹ См.: Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году: Сб. документов из Фонда Реввоенсовета Республики / Диак. Александр Мазырин, В. А. Гончаров, И. В. Успенский, сост. М., 2006. С. 160.

⁸⁰ См.: Там же.

⁸¹ Там же. С. 161.

⁸² См.: Следственное дело Патриарха Тихона... С. 125.

ка с помощью нажима добиться от него нужных большевикам постановлений в этом направлении не удалась.

Большого значения новому посланию Предстоятеля Русской Церкви руководство страны не придало, и оно не получило распространения по официальным каналам. Сам же святитель Тихон счел необходимым отдать распоряжение о распространении циркулярного письма, адресованного епархиальным архиереям. Спустя почти месяц на допросе 5 мая 1922 г. он указал на это распоряжение как административную меру для прекращения агитации священнослужителей против изъятия церковных ценностей⁸³. Во время данного допроса начальник VI отделения Секретного отдела ГПУ Е. А. Тучков пытался выяснить возможность осуждения Патриархом российского духовенства за агитацию против изъятия церковных ценностей. Святейший Тихон ответил, что не осуждает «агитацию такую, которая выражена священнослужителем на задаваемые ему вопросы верующими с просьбой разъяснить им церковное правило или учение по сему поводу»⁸⁴. Вопрос об агитации поднимался в тот же день в Московском трибунале, но и там Патриарх возразил обвинителям: «Вы считаете ее контрреволюционным действием, а я не считаю»⁸⁵. Несмотря на то что на допросах в начале мая чекисты обещали «голову срубить»⁸⁶ предстоятелю Русской Церкви, добиться от святителя безоговорочного осуждения антиправительственных действий духовенства им не удалось, и, согласно справедливым выводам современных исследователей, «позиция патриарха Тихона в этом вопросе оказалась непоколебимой»⁸⁷.

Показания святителя Тихона на процессе «московских церковников» 5 мая 1922 г. обнаружили предусмотрительность его прежних публичных выступлений. Председатель Трибунала М. М. Бек неоднократно пытался приписать Патриарху некие «директивы» и «распоряжения» в отношении церковного имущества, пока, наконец, св. Тихон не заметил, что в послании нет распоряжений о том, чтобы ценности не сдавать, а прихожане и сами могут разобраться. Последующие попытки раздосадованного Бека выдать события в Шуе за результат представления этой самостоятельности означали тупиковый путь: при такой постановке вопроса уличить святителя в «преступлении» было невозможно, а факт

⁸³ См.: Следственное дело Патриарха Тихона... С. 157.

⁸⁴ Там же. С. 156.

⁸⁵ Там же. С. 142.

⁸⁶ *Польский М., протопресв.* Новые мученики российские. Первое собрание материалов. Джорданвилль, 1949. С. 102. Участь самого Патриарха весной и летом 1922 г. уже обсуждалась властями в предельном диапазоне. Угрозы святителю со стороны чекистов сопровождалась вполне конкретным постановлением секретного совещания Президиума ГПУ от 3 мая 1922 г.: «Ввиду предстоящего процесса ТИХОНа развить против него самую бешеную агитацию, как устную, так и в печати в республиканском масштабе...» (РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 464. Л. 155). Радикальным намерениям ГПУ не соответствовала позиция некоторых членов Президиума ВЦИК, например наркома юстиции Д. И. Курского, зафиксированная в до сих пор не известной историкам рукописной записке Троцкого об июльском приговоре по делу «петроградских церковников»: «Курский: юридическая основа плоха», «Тихона не можем расстрелять» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 141. Л. 409).

⁸⁷ *Кривова Н. А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997. С. 134.

спокойного проведения изъятия в большинстве случаев, на который указал Патриарх⁸⁸, подтверждал еще и обоснованность его решения.

Другой маневр председателя Трибунала был более удачным: отказавшись от фактора самостоятельности приходов, вытекающего из послания, он указал Святейшему Тихону на инструкции и образцы протестов, исходившие из подведомственных Патриарху центральных органов управления, как на документы, на основании которых духовенство выступало против изъятия ценностей и вело «контрреволюционную» деятельность. Дистанцированность Патриарха от темы протестов внутри Церковного Управления не позволила ему отвести аргумент Бека, хотя рекомендательные документы призывали верующих только к легальным действиям. Сообщив судьям, что он не принимал участия в составлении протестов и о собрании благочинных у архиепископа Никандра знает из газет, св. Тихон был вынужден лишь предположить, что это были не протесты, и добавить, что и сам советовал приходящим к нему за разъяснениями подавать обращения и просьбы⁸⁹. Воспользовавшись незнанием Патриарха, обвинитель прямо квалифицировал образцы в качестве контрреволюционных и спросил об их составителях. Вынужденное молчание святого Тихона, оберегавшего архиепископа Никандра от нелепых подозрений в контрреволюционных действиях, в этот момент произвело мнимое впечатление успеха обвинения. В то же время членам суда стало ясно, что, несмотря на отсутствие патриарших указаний в послании от 28 февраля 1922 г., в неофициальном плане они все-таки имели место.

Использовать выявленный факт против Патриарха обвинению не удалось, поскольку Бек в ответ на решительные утверждения святителя о том, что с просьбами о замене сосудов приходские советы обращаться к власти могут, был

⁸⁸ Здесь св. Тихон, видимо, воспользовался данными самой агитации, возражать против которых обвинители не могли. Как утверждалось в докладе руководителя РОСТА Я. Г. Долецкого от 10 мая 1922 г., «в громадном большинстве случаев изъятие ценностей проходило безболезненно при лояльном или сочувственном отношении священнослужителей и верующих. Эта безболезненность изъятия и отношение духовенства и верующих усиленно все время подчеркивались Радио-Вестником» (Изъятие церковных ценностей в Москве... С. 127).

⁸⁹ Содержание просьб к властям находилось в зависимости от времени их составления. Пока сохранялась надежда на отмену антицерковного декрета ВЦИК, святитель Тихон рекомендовал подачу обращения об устройстве займа за границей в размере 100 млн пудов хлеба под церковные ценности, о чем упомянул как в беседе с поволжскими «делегатами» (см.: Голодающие у Тихона... С. 2; ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 60. Л. 744), так и в заседании Московского трибунала 5 мая 1922 г. Когда надежда на отмену декрета исчезла, а положительной реакции на предложение московского духовенства не последовало, он советовал приходом составлять просьбы о замене святынь равноценным капиталом. Однако большевики были готовы и к таким просьбам: церковные предметы, которые удавалось обменять на домашнее серебро, должны были оставаться в храмах в качестве собственности государства без гарантий от повторного изъятия (см.: *Гидулянов. Церковь и государство...* С. 70.), что лишало смысла усилия прихожан по спасению святынь. Так, в Саратовской епархии, по свидетельству очевидцев, «после разъяснения, что оставленные в храмах, вместо сданного серебра, предметы будут по-прежнему считаться принадлежащими государству, а не Церкви, а потому могут быть впоследствии изъяты, пожертвования серебряных вещей прекратились» (Саратовская епархия в 1917–1930 гг. Мемориальная записка А. А. Соловьева / Публ. и примеч. И. И. Ковалевой и Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. М., 2010. № 4 (37). С. 94).

вынужден согласиться. В свете этого согласия советы Патриарха вопрошающим не могли быть названы «контрреволюционными», и председателю Трибунала оставалось рассматривать их только в контексте легальности самого Церковного Управления, а это был вопрос совсем другого уровня, нежели инциденты в связи с изъятием ценностей. Таким образом, точка зрения Святейшего Тихона в вопросе способа защиты святынь при проверке на законность в судебных заседаниях осталась недостижимой для обвинения.

После попыток обвинителей доказать ложность ссылок на каноны тем, что власть не может красть собственное имущество, и патриаршего ответа, что именно по канону имущество храмов принадлежит Церкви, обходить тему конфликта между церковными определениями и советскими декретами стало невозможно. Трибуналу оставалось лишь выяснить собственный выбор Патриарха, который повторил, что церковное имущество по существу дела принадлежит Богу, а согласно канонам — Церкви, на основании чего им может распоряжаться ответственная за управление иерархия. Только Церковь и ее предстоятель, подчеркнул святитель Тихон, имеют право добровольно отдать ценности⁹⁰. Главные приоритеты Патриарха были озвучены в суде вполне определенно, и современникам событий стало ясно, что «в случае столкновения гражданских законов с церковными он считает своим религиозным долгом отдать предпочтение законам церковным...»⁹¹.

Тем не менее бескомпромиссная позиция Святейшего Тихона в толковании канонов не могла служить доводом в пользу нарушения им государственного законодательства. Патриарх подчеркнул, что он соблюдает советские законы и фактически управлять церковным имуществом не может, поскольку оно у него отнято. Указанные в суде попытки управления святитель поместил в контекст официальных переговоров с властью, поставив под вопрос непогрешимость последней. Это был весьма продуманный шаг: поскольку переговоры между ЦКПомгол при ВЦИК и Патриаршим Управлением были санкционированы правительством, рекомендации Патриарха приходским общинам становились продолжением согласованной с властью управленческой деятельности церковной иерархии в деле помощи голодающим. Подобное объяснение осталось не опровергнутым. В конце заседания данное направление аргументации использовалось защитой для обоснования легитимности органов Церковного Управления, которые в декабре 1921 г. вступили в официальные отношения с ЦКПГ.

Кроме бесплодной попытки доказать необоснованность патриарших ссылок на каноны в послании от 28 февраля 1922 г. с точки зрения советского имущественного права, обвиняющая сторона с этой же целью ссылалась на результаты «церковной» экспертизы послания, установившей как его нерелигиозный характер⁹², так и неправомерность оценки изъятия священных предметов для целей

⁹⁰ См.: Следственное дело Патриарха Тихона... С. 137.

⁹¹ Патриарх Тихон в 1920–1923 годах... С. 74.

⁹² Современными историками доказана фальсификация в суде результатов экспертизы в этом вопросе. Из четырех экспертов двое (проф. Н. Д. Кузнецов, священник Сергей Ледовский) считали послание строго религиозным, другие двое (епископ Антонин (Грановский), священник Сергей (Калиновский) — не строго религиозным (см.: Голубцов С., протоиак.

милосердия в качестве святотатства. Святейший Тихон не согласился с выводами экспертизы: во-первых, хотя вопрос управления церковным имуществом и не является вероучительным, в силу его церковно-канонического характера он относится к числу религиозных; во-вторых, эксперты не указали, что призванные обосновать их выводы в вопросе о святотатстве примеры древних святителей связаны с самостоятельной церковной благотворительностью, не имеющей ничего общего с насильственным изъятием. В ответ на рассуждения обвинителей о патриаршем благословении на передачу богослужебных сосудов властям, коль скоро возможность этого все-таки имелась, святитель ответил просто: «Я за это отвечаю перед судом Церкви»⁹³. Очевидно, в этот момент, столкнувшись с ответственностью иного, более значимого порядка, советские судьи почувствовали себя явно не у дел. Когда же, пытаясь ослабить основной аргумент Патриарха, сторона обвинения стала навязывать ему нравственную дилемму о выборе между сохранением вещей и гибелью миллионов голодающих, святитель отклонил ее, указав, что так ставить вопрос, который зависит от множества условий, нельзя.

Разговора об условиях не получилось. С одной стороны, с учетом пропагандистской кампании об уже идущей закупке хлеба «на церковные ценности»⁹⁴ полемика о недоверии властям в вопросе их реализации уже с начала апреля была бесперспективной. С другой стороны, церковные условия передачи священных сосудов Помголу, которые выдвинул в Петрограде митрополит Вениамин (Казанский), были под нажимом центра отвергнуты местной властью, и пересказ их в Трибунале в отсутствие встречных вопросов также не имел никакого смысла. Несмотря на явную неспособность обвинения обосновать якобы противозаконный характер действий Патриарха в связи с изъятием церковных ценностей, он вместе с архиепископом Никандром в тот же день за противодействие декрету ВЦИК и «контрреволюционную агитацию» был привлечен к судебной ответственности. Позже по одному с ними делу был привлечен вместе с управляющим канцелярией ВЦУ П. В. Гурьевым еще один архиерей — митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий).

В период содержания под арестом с начала мая 1922 г. до середины июня 1923 г. позиция Святейшего Тихона в вопросе изъятия священных сосудов из храмов существенных изменений не претерпела. Ни на одном из допросов Патриарх не одобрил проведенное советской властью изъятие, как не мог он одобрить никакого насилия над Церковью и употребления священных предметов на недолжное. Неверными и неточными Патриарх Тихон назвал лишь свои показания на допросе от 2 января 1923 г., когда он заявил, что «считал изъятие ценностей святотатством»⁹⁵. При этом он изменил свои показания не на противоположное утверждение, а на уточняющее суть дела: по мнению Святейшего

Первый московский процесс 1922 года по делу «церковников» // Богословский сборник. Вып. 2. М., 1999. С. 88).

⁹³ Следственное дело Патриарха Тихона... С. 137.

⁹⁴ См.: Покупка хлеба на церковные ценности // Известия ВЦИК. 1922. 1 апр. № 74. С. 2; Хлеб на церковные ценности // Известия ВЦИК. 1922. 23 апр. № 89. С. 2; Хлеб на ценности уже закупается // Известия ВЦИК. 1922. 9 мая. № 89. С. 2 и др.

⁹⁵ Следственное дело Патриарха Тихона... С. 188.

Тихона, святотатство советской власти заключалось в том, что она решила изъять церковные ценности «помимо Патриарха»⁹⁶, другими словами, действовала в церковном доме как вор и грабитель, не взирающий на управителя дома. Данный корректив оставался в рамках ранее указанных святителем ссылок на каноны, в частности на Двукратный Собор, что по-прежнему подтверждало их адекватность.

Признавая себя виновным перед советской властью за составление послания от 28 февраля 1922 г., Патриарх никогда не называл его собственной или церковной *ошибкой*⁹⁷. Своим решением о признании «вины» он брал на себя ответственность за выраженную им позицию Церкви в единственно приемлемой для этого судилища форме. Поэтому Патриарх был «виноват» лишь перед нечестивым собранием представителей советской юстиции, исполнившим принятое накануне вызова святителя в Трибунал строго секретное постановление Политбюро ЦК РКП(б) о привлечении его к суду⁹⁸. Важно также понимать, что в пределах возможных конфликтов между церковным и республиканским законодательством вина перед государственным судом и духовный подвиг в свете суда церковного не только не исключали друг друга, но и, как правило, были двумя сторонами одной медали. Тем более, если имели место предвзятые и односторонние трактовки закона со стороны представителей власти, которые приходилось учитывать в прениях. Имея в виду это обстоятельство, еще в свидетельских показаниях 5 мая 1922 г. святитель Тихон дал своему посланию соответствующую оценку: «С точки зрения советского закона незаконно, с точки зрения церковной законно»⁹⁹. Однако настоящим контекстом признания «вины» была именно невиновность Патриарха в рамках действующих государственных законов¹⁰⁰ — личное противодействие декрету осуществлялось им с соблюдением законодательства республики, хотя последнее вместе с антицерковной деятельностью госорганов сильно затрудняло управление возмущенными действиями большевиков приходами.

11 января 1923 г. на допросе особоуполномоченного ГПУ Я. С. Агранова св. Тихон подтвердил: «Выдача и употребление властью церковного имущества и священных предметов на дела милосердия, как, например, на дело спасения голодающих, не является святотатством и не противоречит каноническим правилам»¹⁰¹. Такое суждение не было переменной собственных взглядов и согласием с «правотой» своих критиков, ведь Святейший Тихон нигде и никогда не утверждал обратного. Оно не противоречило учению Церкви и не отменяло аргумент о запрете небогослужебного использования освященных сосудов в значении, которое придавалось ему как Патриархом, так и 10-м правилом Двукратного Собора. Тем не

⁹⁶ Следственное дело Патриарха Тихона... С. 190.

⁹⁷ В других случаях, например в вопросе благословения на созыв Карловацкого собора, святитель Тихон считал возможным говорить именно об ошибке (см.: Там же. С. 192).

⁹⁸ См.: Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. Кн. 1. С. 199.

⁹⁹ Следственное дело Патриарха Тихона... С. 134.

¹⁰⁰ 22 июля 1992 г. Генеральная прокуратура России официально установила отсутствие в деяниях Патриарха состава преступления (см.: Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. Кн. 1. С. 93).

¹⁰¹ Следственное дело Патриарха Тихона... С. 190.

менее услышанное на допросе высказывание в качестве патриаршего «признания» было воспроизведено позже в обвинительном заключении с существенной заменой слова «выдача» на «изъятие»¹⁰², отменяющей канонический аргумент добровольности, а вместе с ней и необходимости патриарших санкций в передаче богослужебных предметов представителям государства. Тем самым Святейшему Тихону приписывался чуждый ему взгляд на изъятие ценностей, согласия с которым мы не находим ни в его показаниях в Трибунале, ни в протоколах известных 15 допросов Патриарха с 9 мая 1922 г. по 10 апреля 1923 г.

Надо заметить, что в период допросов Патриарх Тихон и его поделщики находились уже в значительно изменившихся условиях: во-первых, запущенная декретом кампания по изъятию ценностей была уже в прошлом и на первый план выходила задача сохранения церковных сил в ситуации быстро развивающегося раскола; во-вторых, весной-летом 1922 г. в газетах наряду с освещением закупки хлеба и продовольствия для голодающих «на церковные ценности», активно муссировалась тема имевшего место «церковного контроля» за ценностями и поддержки их изъятия в пользу Помгола со стороны лояльного духовенства, включая авторитетных иерархов. Возражать, находясь в заключении, против такого рода «свидетельств», да еще в перспективе грозящего в рамках расстрельных статей приговора, было чрезвычайно трудно, если не невозможно. В результате вынужденного молчания подследственных на эту тему Агранову все-таки удалось довести поделщиков святителя Тихона до признания «ошибочности» патриарших ссылок на каноны. При этом архиепископ Никандр был введен следователем в заблуждение относительно признаний св. Тихона и на допросе 20 марта 1923 г. только согласился «с мнением патриарха о неправильном применении в послании этих канонов»¹⁰³. В действительности на допросе 13 марта 1923 г. Святейший Тихон по пункту «Д» обвинения, где говорилось, что его послание от 28 февраля 1922 г. будто бы «запрещало» выдачу властям церковных ценностей, «угрожая заведомо ложными ссылками на каноны»¹⁰⁴, признал не трактовку следователя, но лишь «фактические данные»¹⁰⁵.

Агранову было крайне необходимо получение признаний ошибки в каноническом обосновании своих действий у столь образованных и опытных иерархов — это подтверждало вывод следствия о неслучайном, а намеренном и заведомо ложном характере ссылок на церковные правила. Оставалась лишь одна проблема — исключительное право самой Церкви распоряжаться церковными ценностями, о котором св. Тихон говорил еще в Московском Ревтрибунале. Хотя в ее решении особоуполномоченному ГПУ далеко продвинуться не удалось, все же Патриарх вынужден был следом за архиепископом Никандром (Феноменовым) признать, что «в церковных канонах нет указаний на то, что государственная власть, в случае изъятия ею при народных бедствиях церковных ценностей, должна обратиться за согласием к церковной власти»¹⁰⁶. Из этого утверждения

¹⁰² Следственное дело Патриарха Тихона... С. 320.

¹⁰³ Там же. С. 240.

¹⁰⁴ Там же. С. 235.

¹⁰⁵ Там же. С. 238.

¹⁰⁶ Там же. С. 211.

оставалось только составить заключение о том, что слова о святотатстве властей, отбирающих церковное имущество без согласия и вопреки оценкам предстоятеля Русской Церкви, высказаны Святейшим Патриархом без канонического обоснования и дело, таким образом, заключается лишь в субъективных причинах: обидах за нападки в газетах, влиянии окружающих людей, недовольстве несогласованностью советского правительства¹⁰⁷.

Дефект данного аргумента состоял в редукции обоснования патриарших действий только к древнему каноническому корпусу, молчание которого по данному вопросу было связано, как объяснил следователям профессор церковного права Н. Д. Кузнецов, с его византийским происхождением. При тех церковно-государственных отношениях, подчеркнул ученый, указание со стороны церковной власти могло и не требоваться, а «представители государства и Церкви обыкновенно действовали в согласии. Но канонами не предусмотрен тот случай, который произошел в России, когда Церковь оказалась совершенно отделенной от государства и все церковное имущество объявлено государственной собственностью»¹⁰⁸. Таким образом, все, что удалось добиться чекисту Агранову в столь важном вопросе, в действительности касалось констатации архиереями лишь известной неполноты древних церковных правил, не более того. Главное же на допросах по понятной причине осталось невысказанным.

Восполнить недоговоренность в канонах могла только сама Церковь, а не Политбюро ЦК РКП(б) или «товарищ» Агранов. Русская Православная Церковь это сделала в постановлениях Поместного Собора 1917–1918 гг., предусмотрев ситуацию изъятия богоборческой властью священных сосудов¹⁰⁹. Несмотря на то что в них не поднималась тема голода и других бедствий, решения Собора, по причине отсутствия у Церкви реального контроля за ценностями, сохраняли за собой всю силу и применимость к проводимой государством насильственной акции. Вместе с тем явная ссылка на свод соборных решений могла привести к атаке большевиков уже на Собор в целом¹¹⁰ и не отвечала мирным намерениям святителя Тихона. Освещая в новых условиях церковную точку зрения, Патриарх предпочел опереться на древние каноны, которым в качестве предания Вселенской Церкви ничто не угрожало, и тем самым себя, а не Московский Собор поставить под огонь советской и обновленческой критики. Канонический пробел для церковного сознания был мнимым, но в феврале 1922 г. древние правила были вынужденно дополнены лишь позицией Святейшего Тихона, дей-

¹⁰⁷ Следственное дело Патриарха Тихона... С. 320.

¹⁰⁸ См.: Там же. С. 222.

¹⁰⁹ «Никто из православных христиан под страхом церковного отлучения да не дерзнет участвовать в изъятии святых храмов, часовен и священных предметов, в них находящихся, из действительного обладания Святой Церкви <...> да будет ведомо, что Церковь Православная дорожит своими святынями по их внутреннему значению, а не ради материальной ценности, и что насилия и гонения бессильны отнять у нее главное сокровище — святую веру...» (см.: Собрание определений и постановлений Священного Собора Российской Православной Церкви, 1917–1918 гг. М., 1994. Вып. 4. С. 30).

¹¹⁰ Этот важнейший контекст патриаршей защиты православных святынь уже отмечался ранее авторами предисловия в сборнике документов из следственного дела Патриарха — прот. Владимиром Воробьевым, Н. А. Кривовой, С. Н. Романовой, А. В. Шелкачевым (см.: Следственное дело Патриарха Тихона... С. 46).

ствовавшего в духе недавно прошедшего Собора. Не считая результаты его работы «мертворожденными», Патриарх нес полную ответственность за текущие церковные решения до следующего Собора, от которого можно было ждать поправок в принятые ранее постановления.

В отношении так называемых покаянных документов Святейшего Тихона, выпущенных после его выхода из заключения в июне 1923 г., можно определенно сказать, что они также не выглядели переходом на чужие точки зрения. Даже с учетом того, что заявление в Верховный Суд и другие публичные высказывания были выполнением условий, предложенных Антирелигиозной комиссией ЦК РКП(б), в решении Патриарха нет никакой фальши. Во-первых, Первосвятитель согласился, несмотря на вынужденность уступок, не на все требования АРК. Вместо объявления ожидаемой «лояльности» властям он говорил об аполитичности Церкви (термин «лояльность» Патриархом в «покаянных» посланиях красноречиво не употреблялся. — *диак. С. И.*), а также отказался от отрицательных оценок глав Англиканской Церкви и Константинопольского Патриархата. Во-вторых, согласие с остальными, менее значимыми условиями, в той ситуации не могло причинить вреда Церкви, а его непредвиденные последствия можно было устранить, только получив хотя бы относительную свободу действий. В контексте вставших перед Патриархом новых задач по борьбе с обновленчеством и восстановлению Церковного Управления его решение было крайне необходимым и с учетом достигнутых результатов верным.

Патриарший выбор был следствием обдуманной позиции, основы которой сформировались задолго до предложения со стороны АРК. Согласно своему заявлению в Верховный Суд РСФСР от 16 июня 1923 г., св. Тихон констатировал правильность решения суда о привлечении его к ответственности за антисоветскую деятельность¹¹¹, что точно соответствовало признанию им своей «вины» перед властью и антисоветского характера послания от 28 февраля 1922 г. еще на допросах¹¹². Трижды Патриарх публично заявил, что он советской власти не враг¹¹³, что логично вытекало из заявленного в 1919 г. принципа невмешательства в политику, а также не означало ни дружбы с властью, ни ликвидации враждебности последней к Церкви. При этом собственную невраждебность к власти святитель Тихон продемонстрировал в «покаянных» текстах на основании своих прежних решений, бывших до ареста в мае 1922 г.¹¹⁴, что, конечно, ставило в неловкое положение его обвинителей. Слова Первосвятителя «...в сем каемся и скорбим о жертвах, получившихся в результате этой антисоветской политики»¹¹⁵

¹¹¹ См.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 280.

¹¹² См.: Следственное дело Патриарха Тихона... С. 188.

¹¹³ По словам протопресвитера В. Виноградова, Патриарх Тихон «не раз разъяснял буквально следующее: я написал там, что я отныне — не враг советской власти, но я не писал, что я друг советской власти...» (*Виноградов В., протопресв.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности св. патриарха Тихона (1923–1925 гг.): По личным воспоминаниям. (К 50-летию церковной и научной деятельности автора). Мюнхен, 1959. С. 14).

¹¹⁴ См.: Акты Святейшего Тихона... С. 284.

¹¹⁵ Там же. С. 286.

выражали заявленную еще на допросах нравственную ответственность за столкновения в ходе изъятия ценностей, когда подлинные виновники пролития крови ни о какой ответственности и не помышляли. Невозможно ставить под сомнение искренность и духовную глубину этой покаянной скорби — невиновный брал вину на себя и сожалел о погибших за святыни единокровных братьях. С этого момента святитель прекратил публичную критику властей, которая могла бы из-за вызванных ею народных волнений использоваться как повод для репрессий. Однако можно ли говорить здесь о существенной переоценке патриаршей позиции, если Святейший Тихон счел принципиально необходимым прямо в тексте заявления в Верховный Суд отметить, что его антисоветские действия изложены в обвинительном заключении с «немногими неточностями»¹¹⁶? В тех чрезвычайных обстоятельствах столь смелое замечание значило очень много — последнее слово в полемике с представителями госорганов о священных предметах святитель Тихон публично оставил за собой.

Аполитичной позиции Патриарха Русской Церкви при наличии доброй воли у руководства страны было достаточно для конструктивного диалога о лояльности церковного общества и прояснения границы между «кесаревым» и «Божим». Альтернативой насильственному образу действий властей могло быть соглашение с Высшим Церковным Управлением, в котором учитывались бы интересы обеих сторон: при сохранении в храмах святынь, материальная ценность которых имела для помощи голодающим ничтожно малое значение, предполагаемые потери правительства вполне были бы возмещены верующими соответствующим количеством продуктов питания и личных вещей из драгоценного металла. Разрешение же и поддержка государством церковной благотворительности в 1921 г. привлекли бы на помощь бедствующим губерниям более адекватное количество продовольственных ресурсов. Требовалось только два условия: приоритет проблемы борьбы с голодом в решении государственных вопросов и отказ рассматривать Церковь в качестве обреченного на уничтожение политического противника. Однако эти условия не вписывались в планы большевистских вождей. Добрая воля со стороны членов Политбюро ЦК РКП(б) — новых и жестоких правителей России, действующих за умело выстроенным фасадом «власти советов», отсутствовала. На первом месте повестки дня было укрепление собственной власти победой на очередном, финансовом «фронте» за счет стабилизации падающего рубля — голодающие могли «подождать»¹¹⁷. Итогом же обсуждения вопроса о церковной лояльности партийными лидерами, которое длилось до конца весны 1921 г., являлось решение о «политике развала» Церкви с опорой на молодое белое духовенство силами ВЧК¹¹⁸. Церкви был подписан приговор, и попытки найти взаимопонимание с властью либо отвергались, либо использовались для его исполнения. Не имея настоящей заинтересованности в

¹¹⁶ Акты Святейшего Тихона... С. 280.

¹¹⁷ Общая статистика по количеству жертв голода остается сегодня приблизительной и нуждается в научном обосновании с привлечением центральных и региональных архивных источников. Согласно Большой Советской энциклопедии, голод 1921–1922 гг. охватил 35 губерний с населением в 90 млн человек. При этом голодало не менее 40 млн человек, а умерло от голода и его последствий около 5 млн человек (см.: Голод // БСЭ. Т. 17. М., 1930. С. 448–464).

¹¹⁸ Петров. Указ. соч. С. 36.

лояльности верующих, руководители церковной политики государства склонны были саму лояльность трактовать через призму задачи разложения Церкви.

Данное обстоятельство не позволяет с доверием отнестись к критике позиции Патриарха Тихона со стороны митрополита Вениамина (Федченкова), упомянутой выше. Не располагая достоверными сведениями об антицерковных кампаниях советской власти, он рекомендовал Церкви взамен аполитичности внутреннюю лояльность¹¹⁹, которая в обсуждаемый период служила удобным инструментом для ГПУ в попытках организации расколов и вмешательства в управление церковной жизнью. Проявление подобной лояльности со стороны самого архиерея привело его к несогласию со всеми антисоветскими посланиями Святейшего Тихона, которые, по его мнению, причинили «немало вреда». К сожалению, даже в воспоминаниях митрополита Вениамина она наложила существенные ограничения на выявление в них исторической правды о положении Церкви в России в 1917–1922 гг.¹²⁰ Перевес «политического протеста» над ревностью о защите святых у пострадавших в 1922 г. новомучеников российских так и остался его собственным предположением. С течением времени, однако, митрополит на личном опыте убедился, что даже «сердечная» лояльность властям не могла повлиять на изменение их откровенно антирелигиозной политики, и в начале 1950-х гг. не побоялся высказать представителям надзорных органов собственное мнение о существовании в СССР открытого гонения на Церковь¹²¹. Верность архипастырскому долгу в защите церковной самостоятельности и свободы должна была привести и привела его к неизбежному зачислению госорганами в число антисоветских деятелей¹²². Тем самым и аргументы указанного иерарха против патриаршей позиции обнаружили свою несостоятельность.

История подтвердила верность взглядов святого Патриарха Тихона, преподобномученика архимандрита Неофита (Осипова) и других сторонников чистоты православия, оправдав недоверие верующих официальной пропаганде. Как и следовало ожидать, обещанных продаж церковных ценностей за границу с целью закупки хлеба для голодающих не было. К моменту объявления победы над голодом в октябре 1922 г. они по-прежнему находились в учреждениях Наркомфина, а затем в течение нескольких лет были использованы для поддержки денежной реформы и других государственных задач¹²³. Предполагая подобное развитие событий, святитель Тихон не мог поступиться своей архиерейской со-

¹¹⁹ См.: *Вениамин (Федченков), митр.* Указ. соч. С. 235.

¹²⁰ «Вот часто поносили советскую власть за ее давление на веру, — писал в 1943 г. 63-летний архиерей в записках, задуманных как исполнение патриотического долга перед Родиной. — Но историческая правда обязывает нас заявить, что большевики, отделив Церковь от государства, не вмешивались в ее внутренние дела, не создавали своей специальной “церкви”. Если и появились потом “живоцерковники”, то они зародились самопроизвольно, а не под влиянием большевиков и их требований» (Там же. С. 399).

¹²¹ См.: *Ефросиния (Седова), инокиня, Просветов Р. Ю.* Служение митрополита Вениамина (Федченкова) в Латвии в 1948–1951 гг. // *Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви.* М., 2014. № 3 (58). С. 102.

¹²² См.: Там же. С. 101.

¹²³ См.: *Иванов С., диак.* Финансы и политика в реализации изъятых в 1922 г. церковных ценностей // *Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви.* 2015. Вып. 5 (66). С. 36–60.

вестью и, отказавшись от защиты святых, переложить ответственность за их «реализацию» на советскую власть. Не мог он не ответить и на игнорирование богоборческой властью Высшего Церковного Управления в столь важном вопросе, как изъятие и использование ею евхаристических сосудов. Его послание предназначалось православной пастве, и ссылки на церковные постановления не соответствовали только большевистским лозунгам, а не существу дела. Правда была на стороне Патриарха, который проявил данные ему от Бога духовную мудрость следовать церковным канонам и мужество предпочесть суд Церкви суду временщиков. Остается подчеркнуть, что образ действий предстоятеля Русской Церкви по защите православных святых в условиях ареста членов Священного Синода, дискредитирующей его пропагандистской кампании, предательства заарестованных ГПУ священнослужителей, непонимания со стороны некоторых авторитетных соратников-иерархов и нависшей над ним угрозы расстрельного приговора, стал видимой печатью его святости. Решения Патриарха Тихона имеют непреходящее значение верности Истине во времена гонения на Церковь и, являясь подлинным ориентиром для XXI в., в то же время имеют отчетливую эсхатологическую перспективу.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо св. Патриарха Тихона в ГПУ об изъятии церковных ценностей и послании Карловацкого Собора

31 марта 1922 г.

Копия

В ГОСПОЛИТУПРАВЛЕНИЕ

В правительственных известиях появилось сообщение о печальных событиях, происшедших в гор[оде] Шуе при осуществлении декрета об изъятии церковных ценностей. Эти события ставят нам в вину, полагая, что наше послание по этому вопросу явилось призывом или поводом к возмущению.

Такое обвинение не соответствует действительности. Послание наше едва ли и дошло до гор[ода] Шуи, да если бы и дошло, то само он[о] никак не могло быть поводом к какому-либо возмущению. В нем, как в раннейшем нашем послании, мы призываем верующих к добровольным пожертвованиям в пользу голодающих Поволжья ценных церковных принадлежностей.

Так как Советское Правительство, признавшее церковное имущество народным достоянием, передало это имущество группам верующих в соответственное религиозное пользование, то от этих групп и от приходских Советов — (а не от нас) зависит пожертвование части этого имущества на нужды голодающих. Мы же со своей стороны, в виду крайней тяжести постигшей^а нашу родину бедствия, считаем долгом еще раз пригласить верующих к самым щедрым пожертвованиям

^а Ошибка в окончании слова, следует «постигшего».

ям на святое дело помощи и церковными ценностями, исключая священных сосудов (предметов, употребляемых в таинстве Св. Причащения), которые по канонам^б не могут иметь употребление^в «не священного»; о последних можно входить в соглашение с представителями власти о замене их соответственными материальными ценностями.

Намереваясь обратиться к верующим с призывом к щедрым пожертвованиям на святое дело спасения умирающих от голода братьев наших, убедительно просим и представителей Власти и самих верующих ни в каком случае не допускать насильственных действий, доводящих до побоев и кровопролитий, здесь не место злобе и вражде.

Что касается Карловацкого собора, то у нас нет официальных сведений по сему. Созыв[,] программы и постановления его^г нам не были известны, о нем узнали мы из газет, в них же прочитали, что от имени собора было выпущено^а послание, в котором, между прочим, говорится о восстановлении династии Романовых, и что против внесения этого в послание высказалось^с треть собора.

В сентябре 1919 года нами было выпущено послание к Архипастырям и Пастырям Российской церкви о том, что «установление той или иной формы Правления не дело церкви, а самого народа, и что служители церкви должны стоять выше и вне политических интересов и партий». Как граждане своего Государства они, конечно, могут иметь те или иные политические убеждения, но свое служебное положение не должны употреблять как средство для политической агитации. Быть может, это послание наше и не достигло пределов заграничных и неизвестно Иерархам и Пастырям, пребывающим вне России, но во всяком случае, послание Карловацкого собора, как акт политического выступления, с нашей точки зрения заслуживает осуждения.

ПАТРИАРХ ТИХОН (Василий БЕЛЛАВИН)

31-го марта 1922 года

С подлинным верно: Иванов
Отпечатано в 3-х экземплярах* и передано т. Уншлихту.

РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 464. Л. 158–159. Машинописная копия, заверенная секретарем Секретного отдела ГПУ. На документе есть штамп секретаря СО ГПУ, а также штамп Секретариата РВСР с пометой «К вх. № 669/р». В левом верхнем углу помета «т. Троцкому». Подчеркивание машинописью. Сопроводительное к документу письмо из Секретариата Коллегии ГПУ на имя Троцкого с № 80854 от 2 апреля 1922 г. см.: Там же. Л. 157. На сопроводительном письме есть штамп Секретариата РВСР с вх. № 669/р от 20 июля 1922 г.

^б Слово рукой секретаря СО ГПУ исправлено на «законам».

^в Ошибка в окончании слова, следует «употребления».

^г Слово напечатано над строкой.

^а Далее одно слово затемнено машинописью.

^с Ошибка в окончании слова, следует «высказалась».

* Далее дописано от руки.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Патриарх Тихон, изъятие церковных ценностей, евхаристические сосуды, голод 1921–1922 гг., церковная полемика, Государственное политическое управление, гонения на Церковь, лояльность.

Список литературы

- Бабич А.* К вопросу об изъятии церковных ценностей на Кубани в 1922 году // Кубань — Украина: Вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. VI. Краснодар; Киев, 2012. С. 320–332.
- «В душе — истина и в душе — единение с ревнителями»: Письма преподобномученика архимандрита Неофита (Осипова) священномученику архиепископу Серафиму (Самойловичу) 1927–1928 гг. / О. И. Хайлова, вступ. ст., публ. и примеч. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. М., 2015. № 6 (67). С. 123–143.
- Введенский А., прот.* Церковь Патриарха Тихона. М., 1923.
- Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох. М., 2004.
- Виноградов В., протопресв.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности св. Патриарха Тихона (1923–1925 гг.): По личным воспоминаниям. (К 50-летию церковной и научной деятельности автора.) Мюнхен, 1959.
- Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского / Авт.-сост. А. В. Журавский. М., 2004.
- Воззвание митрополита Сергия (Страгородского) по поводу изъятия церковных ценностей / Публ. О. Косик // Богословский сборник. 2002. Вып. IX. С. 293–296.
- Воронович Н.* Изъятие церковных ценностей // Голос России. 1922. 7 апр. Берлин. С. 2.
- Газов Е.* Изъятие церковных ценностей в уездах Московской губернии по сводкам информационного отдела ГПУ // Церковно-исторический вестник. 2009/2010. № 16–17. С. 6–15.
- Гидулянов П.* Церковь и государство по Законодательству Р. С. Ф. С. Р. Сборник Указаний и Распоряжений с разъяснениями V отдела НКЮ / Под ред. П. А. Красикова. М., 1923.
- Голубцов С., протодиак.* Московское духовенство в преддверии и начале гонений 1917–1922 гг. М., 1999.
- Голубцов С., протодиак.* Первый московский процесс 1922 года по делу «церковников» // Богословский сборник. Вып. 2. М., 1999. С. 75–104.
- Горев М.* Голод и церковные ценности. М., 1922.
- Горев М.* Хотят отделаться пятаком // Известия ВЦИК. 1922. 22 февр. № 42. С. 1.
- Горев М.* Церковные ценности // Известия ВЦИК. 1922. 19 дек. № 287. С. 3.
- Дамаскин (Орловский), игум.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: жизнеописания и материалы к ним. Кн. 4. Тверь, 2000.
- Иванов С., Супрун В.* Православие на Волгоградской земле: епархии и епископы. Ч. 2. Волгоград, 2002.
- Иванов С.* Хронология обновленческого «переворота» в Русской Церкви по новым архивным документам // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. М., 2014. № 3 (58). С. 24–60.
- Иванов С., диак.* Финансы и политика в реализации изъятых в 1922 г. церковных ценностей // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 5 (66). С. 36–61.
- Иванов С., диак.* Церковное серебро в денежной реформе 1922–1924 гг. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 6 (67). С. 38–63.

- Иванова М.* Кампания по изъятию церковных ценностей в Псковской губернии в 1922 г. // Псков. 2006. № 24. С. 153–161.
- Изъятие церковных ценностей в Москве во 1922 году: Сб. документов из Фонда Реввоенсовета Республики / Диак. Александр Мазырин, В. А. Гончаров, И. В. Успенский, сост. М., 2006.
- Ингулов С.* Агитационная кампания Помгол // Итоги борьбы с голодом в 1921–22 гг.: Сб. статей и отчетов. М., 1922. С. 152–156.
- Крапивин М.* Непридуманная церковная история: Власть и Церковь в Советской России (октябрь 1917 — конец 1930-х годов). Волгоград, 1997.
- Кривова Н.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997.
- Криптон К.* Защита канонів Православия. 1922–1925. По личным наблюдениям, документам и литературным данным // Вестник Русского Христианского Движения. 1979. № 128. С. 218–243.
- Крывелев И.* Русская Православная церковь в первой четверти XX века. М., 1982.
- Куроедов В.* Религия и церковь в Советском государстве. М., 1984.
- Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. М.; Künsnacht, 1996.
- Нежный А.* Допрос Патриарха. М., 1997.
- Одинцов М.* «Видно не испили мы до дна всю чашу положенных нам испытаний». Письма Епископа Ямбургского Алексия (Симанского) митрополиту Новгородскому Арсению (Стадницкому) 1921–1922 гг. // Исторический архив. 2000. № 1. С. 35–84.
- Одинцов М.* Русские патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Ч. I: «Дело» Патриарха Тихона; Крестный путь Патриарха Сергия. М., 1999.
- Патриарх Тихон в 1920–1923 годах: Аналитическая записка из Гуверовского архива / Публ. Е. В. Ивановой // Журнал Московской Патриархии. 2007. № 11. С. 60–96.
- Переписка Святейшего Тихона Патриарха Всероссийского и митрополита Евлогия (Георгиевского) 1921–1922 гг. / Публ. Н. Ю. Лазарева // Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. М., 2000. Вып. 6. С. 93–111.
- Петров С.* Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской Церкви (1921–1925 гг.). М., 2004.
- Саратовская епархия в 1917–1930 гг. Мемориальная записка А. А. Соловьева / И. И. Ковалева и Н. А. Кривошеева, публ. и примеч. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. М., 2010. № 4 (37). С. 88–125.
- Сафонов Д.* Единоначалие и коллегиальность: Из истории Высшего Церковного Управления Русской Церкви от свт. Тихона, Патриарха Всероссийского, до Патриарха Московского и всея Руси Алексия I. Ч. I: Годы 1917–1925 // Богословский вестник. 2008–2009. № 8–9. Сергиев Посад, 2009. С. 275–355.
- Сафонов Д.* Деятельность митрополита Сергия (Страгородского) в контексте советской вероисповедной политики в 1921–1926 годах // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 23 (161). С. 58–66.
- Сафонов Д., свящ.* Свяtitель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время. М., 2013.
- Седова Г., Просветов Р.* Служение митрополита Вениамина (Федченкова) в Латвии в 1948–1951 гг. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. М., 2014. № 3 (58). С. 82–105.

ST. PATRIARCH TIKHON AND CONFISCATION OF SACRED OBJECTS FROM CHURCHES IN 1922

S. IVANOV

This paper aims to clarify the reliability of the canonical foundation of St. Patriarch Tikhon's position for the protection of Church relics taken from churches in 1922 under the slogan of famine relief. Conclusions as to the legitimacy of the Patriarch's point of view are based on the reconstruction of the historical context of the confiscation of Church values, as well as on a more detailed consideration of the implicit aspects of the controversy between the opponents on this issue. Patriarch's appeal to the 73rd Apostolic Rule and the 10th rule of the "Prime-Second" Local Council of Constantinople resulted from the three significant reasons: first, the inability to publicly appeal to decisions of the Local Council of the Russian Orthodox Church of 1917–1918; second, the distrust of the Church community of the government's slogans; third, the beginning of confiscation of Church values by the state authorities that was uncoordinated with Head of the Church. St. Tikhon managed to adequately protect the ecclesiastical point of view both in the Revolutionary Tribunal and during the interrogations after his arrest. Fulfilling the requirements of the Antireligious Commission of the Central Committee of RKP(b), necessary for his release from prison in 1923, Patriarch did not change his views on the confiscation of sacred objects, and it was he who had the last word in this controversy.

Keywords: Russian Orthodox Church, Patriarch Tikhon, confiscation of church property, Eucharistic vessels, famine of 1921–1922, church controversy, State Political Department, persecution of the Church.

References

- Babich A. V., *Kuban' — Ukraina: voprosy istoriko-kul'turnogo vzaimodejstviya*, VI, Krasnodar; Kiev, 320-332.
- Damaskin (Orlovski), igum., *Mucheniki, ispovedniki i podvizhniki blagochestija Rossijskoj Pravoslavnoj Cerkvi XX stoletija: zhizneopisanija i materialy k nim*, Tver, 2000, 4.
- Dejanija Svjashhennogo Sobora Pravoslavnoj Rossijskoj Cerkvi 1917–1918 gg.* Moscow, 1996, 6.
- Gazov E., "Izятие tserkovnih tsennostey v uezdah Moskovskoy gubernii po svodkam informatsionnogo otdela GPU", in: *Cerkovno-istoricheskij vestnik*, 2009/2010, 16–17, 6–15.
- Giduljanov P. V., "Cerkov' i gosudarstvo po Zakonodatel'stvu R. S. F. S. R.", in.: Krasikov P. A., ed., *Sbornik Uzakonenij i Rasporjazhenij s razjasnenijami V otdela NKJu*, Moscow, 1923.

- Golubcov S., protodiak., "Perviy moskovskiy protsess 1922 goda po delu "tserkovnikov", 1999, in: *Bogoslovskij sbornik*, 1999, 2, 75-104.
- Golubcov S., protodiak., *Moskovskoe duhovenstvo v preddverii I nachale gonenij 1917–1922 gg.*, Moscow, 1999.
- Hailova O. I., in: *Vestnik PSTGU. Seria II: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*, 2015, 6 (67), 123-143.
- Ingulov S., *Itogi bor'by s golodom v 1921–22 gg. Sbornik statej i otchetov*, Moscow, 1922, 152-156.
- Ivanov S., Suprun V., *Pravoslavie na volgogradskoj zemle: eparhi i episkopy. Ch. 2*, Volgograd, 2002.
- Ivanov S., in: *Vestnik PSTGU. Serija II: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*, 2014, 3 (58), 24-60.
- Ivanov S., diak., in: *Vestnik PSTGU II: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*, 2015, 5 (66), 36-60.
- Ivanov S., diak., in: *Vestnik PSTGU II: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*, 2015, 6 (67), 38-63.
- Ivanova E., in: *Zhurnal Moskovskoj Patriarii*, 2017, 11, 60-96.
- Ivanova M., in: *Pskov*, 2006, 24, 153-161.
- Izjatie cerkovnyh cennostej v Moskvevo 1922 g. Sbornik dokumentov iz Fonda Revvoensoveta Respubliki*, Moscow, 2006.
- Kosik O., in: *Bogoslovskij sbornik*, 2002, IX, 293-296.
- Kovaleva I., Krivosheeva N., in: *Vestnik PSTGU. Serija II: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*, 4 (37), 88-125.
- Krapivin M. Ju., *Nepridumannaja cerkovnaja istorija: vlast' i Cerkov' v Sovetskoj Rossii (oktjabr' 1917 – konec 1930-h godov)*, Volgograd, 1997.
- Kripton K., *Vestnik Russkogo Hristianskogo Dvizhenija*, 1979, 128, 218-243.
- Krivova N., *Vlast' i Cerkov' v 1922–1925: Politicheskoe podchinenie duhovenstva*, Moscow, 1997.
- Kryvelev I., *Russkaja Pravoslavnaja cerkov' v pervoj chetverti XX veka*, Moscow, 1982.
- Kuroedov V., *Religijaicerkov' v Sovetskomgosudarstve*, Moscow, 1984.
- Lazarev N., *Uchenye zapiski Rossijskogo Pravoslavnogo Universiteta ap. Ioanna Bogoslova*, 2000, 6, 93-111.
- Levitin-Krasnov A., Shavrov V., *Ocherki po istorii russkoj cerkovnoj smuty*, Moskva-Küsnacht, 1996.
- Nezhnyj A., *Dopros Patriarha*, Moscow, 1997.
- Odincov M. I., in: *Istoricheskij arhiv*, 2000, 1, 35-84.
- Odincov M. I., *Russkie patriarhi XX veka. Sud'by Otechestva i Cerkvi na stranicah arhivnyh dokumentov. Chast' I: «Delo» Patriarha Tihona; Krestnyj put' Patriarha Sergija*, Moscow, 1999.
- Petrov S., *Dokumenty deloproizvodstva Politbjuro CK RKP(b) kak istochnik po istorii Russkoj cerkvi (1921–1925 gg.)*, Moscow, 2004.
- Podashevsky P., in: *Izvestija VCIK*, 1922, 32, 1.
- Safonov D. V., in: *Bogoslovskij vestnik*, 2008–2009, 8-9, 275-355.
- Safonov D. V., in: *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, 23 (161), 58-66.
- Safonov D., svjash., Svjatitel' Tihon, Patriarh Moskovskij i vseja Rossii, i ego vremja, Moscow, 2013.
- Sedova G., Prosvetov R., Sluzhenie mitropolita Veniamina (Fedchenkova) v Latvii v 1948–1951 gg., 2014. *Vestnik PSTGU. Serija II: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*, 3 (58), 82-105.
- Sobranie opredelenij i postanovlenij Svjashennogo Sobora Rossijskoj Pravoslavnoj Cerkvi, 1917–1918 gg., Moscow, 1994, 4.
- Veniamin (Fedchenkov), mitr., *Na rubezhe dvuhj epoch*, Moscow, 2004.
- Vinogradov V., protopresv. *O nekotoryh vazhnejshih momentah poslednego perioda zhizni i dejatel'nosti sv. Patriarha Tihona (1923–1925 gg.): Po lichnym vospominanijam*, München, 1959.
- Voronovich N., in: *Golos Rossii*, Berlin, 1922, 2.
- Vvedenskij A., prot., *Cerkov' Patriarha Tihona*, Moscow, 1923.
- Zhuravsky A. V., *Voimja pravdy i dostoinstva Cerkvi: zhizneopisanie i trudy svjashhenomuchenika Kirilla Kazanskogo*, Moscow, 2004.